

№ 125 ИЮЛЬ-АВГУСТ 2024

rusnewsnz.com

выходит с мая 2002 года

БЕСПЛАТНО

Наша Гавань

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ
**ИЗ СОВМЕСТНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ.
ФОТОЗАРИСОВКИ.**

Новости культуры

**ОПАСАЙТЕСЬ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ.
НЕ ВСЕХ...**

Новости культуры

**УРА СЛУЖЕБНЫМ РОМАНАМ
В «НАШЕМ ДОМЕ»!**

Наше интервью

ЖИЗНЬ НА ФЕРМЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

СОБЫТИЯ В НОВОЗЕЛАНДСКИХ РУССКИХ ШКОЛАХ	4
ИЗ СОВМЕСТНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ. ФОТОЗАРИСОВКИ.....	8
ОПАСАЙТЕСЬ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ. НЕ ВСЕХ.....	10
УРА СЛУЖЕБНЫМ РОМАНАМ В «НАШЕМ ДОМЕ»!.....	12
ЖИЗНЬ НА ФЕРМЕ.....	18
ПОГОВОРИМ О НАШЕМ ЗДОРОВЬЕ	20
АРХИТЕКТОР Ф. ХАНДЕРТРВАССЕР И КАВАКАВА.....	22
EXHIBITION: SYRIA – A BIBLICAL LAND	24
НОВОЗЕЛАНДЦЫ В ГРЕЦИИ – АПРЕЛЬ 1941 ГОДА.....	26
ИСЦЕЛЯЮЩАЯ СИЛА СЛОВ: ПОЛЬЗА НАПИСАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ	43
МИФЫ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ. ПАПИРОСЫ КАЛИБРА 7,62.....	45
В ОГОРОДЕ	47
АНГЕЛ ПИШЕТ СВЕТОМ	48
ВСЁ ИЗ-ЗА ДОЖДЯ.....	50
АФИША «НАША ГАВАНЬ»	53

Eastern European Delicatessen

www.skazka.co.nz

16 Kingdon Street, Newmarket, Auckland

Goodies for Foodies!

СОБЫТИЯ В НОВОЗЕЛАНДСКИХ РУССКИХ ШКОЛАХ

Так получилось, что в самых крупных русских школах страны почти одновременно, в середине учебного года, происходили очень интересные мероприятия. Про некоторые из них я собрала информацию из открытых источников, так как сама на них не присутствовала, а обещавшие написать о них ограничились только обещаниями. Но все-таки хочется, чтобы наши читатели тоже были в курсе школьных событий...

Школьный выезд за город в Гамильтоне. Русская школа «Знание».

Учителя, получив поддержку родителей, впервые вывезли детей (по желанию с родителями) за город на несколько дней с ночевкой. Это был первый опыт чего-то похожего на детские лагеря нашего детства и для детей, и для учителей, и для родителей. Судя по отзывам, опыт удался! Интересно, необычно и

непривычно для детей проходили игры и соревнования, совместные обеды-ужины и песни у «костра». Костра не настоящего, но завораживающего... С огромным интересом ребята слушали уже знакомые песни времен детства их родителей и бабушек-дедушек, подпевали сами, учили новые...

Детям повязывали косыночки по типу скаутских, которые во время пребывания в общем пространстве были у них либо на шее, либо на голове.

По общему впечатлению и детей, и учителей, и родителей эксперимент с выездом в подобный лагерь все признали очень успешным. И решили этот эксперимент повторять и в дальнейшем.

Русская школа «Паруса», Окленд.

Там прошла очень интересная встреча с участником и одним из организаторов экспедиции в Антарктиду Сергеем Пермитиным. Он рассказал детям об удивительном, полном неожиданностей и испытаний первом Походе под парусами в Антарктиду, который совершила команда энтузиастов в начале этого года. Сам по себе рассказ о своих впечатлениях участника такой экспедиции - это очень интересно! А детям, на мой взгляд, - это не только интересно, но и полезно, так

как возможность услышать из первых уст про удивительные моменты такого приключения, задать вопросы и получить на них ответы запомнятся на долго. Кстати, недаром Сергея приглашают рассказать о первой антарктической экспедиции не только в Окленде, но и в других городах Новой Зеландии... А команда энтузиастов уже проводит набор в следующие походы этого и 2025 года.

Читаем стихи в школе «Нашего Дома», Окленд.

В «Нашей Гавани» мы много раз писали о Конкурсе чтецов, который вот уже девятый раз проводит «Наш Дом». И, казалось бы, знаю обо всех подробностях того, как он проходил в разные годы. Но, побывав на конкурсе этого года «живьем», да еще в составе жюри, лишний раз убедилась, что личные впечатления - самые сильные. И их не заменят никакие заметки, написанные ранее другими.

Участники были разбиты на группы по возрасту (от 4-х до 17-ти лет). А как же иначе - как можно сравнить навыки и умения разновозрастных детей? Таких групп оказалось аж шесть. Число желающих прочесть стихи поразило! Волновались не только малыши, но и старшие ребята. Причем, некоторые, даже взрослые, дети волновались до слез... Значит, отношение в такому школьному мероприятию у всех очень ответственное. Конечно, было заметно, как переживают за своих учеников учителя и за своих детей - родители.

Еще обратила внимание на одну интересную деталь. Некоторые участники не просто читали выученное стихотворение или какой-то поэтический отрывок - они превращали свой номер в некий мини-спектакль. Конечно, в доступной им по своему возрасту

форме. Это было удивительно трогательно и добавляло за это, как правило, баллы, облегчая членам жюри принять решение о победителях.

Жюри (Мохинур Мухамедова, Наталья Орлова и Римма Шкрабина), как мне кажется, было очень доброжелательным и старалось быть объективным. Чтобы никого не обидеть своими решениями. А руководитель «Нашего Дома», Ольга Тарасенко, каждому конкурсанту подготовила сувениры за участие и Грамоты с серьезными подарками - победителям. По-моему, все остались довольны: дети, родители, учителя...

Добавлю некоторые свои размышления на тему родного языка. Мысль о том, что прекрасно, когда родители понимают, насколько важно поддерживать русский язык своих детей, - это уже даже звучит как-то банально. Да, важно, и да, понимают. А вот главное, как мне кажется, и для родителей, и для учителей - убедить своих детей в том, что русский язык - это их культурное богатство. Богатство, которое пригодится и поможет им в жизни. Несмотря ни на что и вопреки нынешним обстоятельствам... Быть билингом - это замечательно.

Римма Шкрабина, Окленд

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ

Уважаемые читатели, обратите внимание, мы продолжаем организовывать виртуальные выставки наших талантливых русскоговорящих новозеландцев. Их работами всегда можно посмотреть на нашей страничке: «НАША ГАВАНЬ» - Конкурсы, выставки, фестивали (facebook.com/groups/617809839452303).

В конце апреля этого года мы познакомили с фотографиями (и комментариями к ним) двух авторов Марины Печориной и Риммы Шкрабиной:

ИЗ СОВМЕСТНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ. ФОТОЗАРИСОВКИ.

Как и было обещано, редакция выбрала некоторые из их фотографий с комментариями. Мы будем и дальше устраивать виртуальные выставки, знакомить с работами новых участников на нашей странице в Фэйсбуке и в «Нашей Гавани». Присылайте свои пожелания или сообщайте о наших русскоговорящих талантах. И мы обязательно с ними свяжемся.

Другие их фотографии с комментариями читатели могут посмотреть на нашей страничке: «НАША ГАВАНЬ» - Конкурсы,

выставки, фестивали (facebook.com/groups/617809839452303).

Вид на Дворец дожей и набережную в Венеции с высоты десятой палубы Круизного лайнера.

Памятник Яну Сибелиусу, Хельсинки. В ветреную погоду он «поет» за счёт движения воздуха по трубам. Говорят, тогда можно услышать мелодию неофициального гимна Финляндии, написанного композитором.

Вывеска перед магазином «Second Hand» в Алис-Спрингс, Австралия. Эта фотография, отправленная на игру «Что, Где, Когда», положила на лопатки знатоков, которые не смогли ответить, что означает эта композиция.

Победителей нет - в объятиях природы. Территория Ангкор-Вата, Камбоджа, одного из самых грандиозных храмовых комплексов на Земле.

Знаменитый оперный театр в Осло, где можно гулять даже на крыше. Любителям детективов Ю.Несбе - в этом месте герой романов, Харри Холм, встречался со своими агентами.

Субботняя ярмарка в Порту, Португалия. Самое интересное на ней - это конечно, разнообразные изделия из коры местного пробкового дерева.

ОПАСАЙТЕСЬ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ. НЕ ВСЕХ...

Именно об этом Александр Витер написал пьесу «Станция или расписание желаний на завтра». По этой пьесе ЭКТЕС (Экспериментальный театр-студия) Нины Герасимовой-Брукс поставил спектакль, который был показан в Окленде.

Сначала немного о самой пьесе. Как указывается на театральных сайтах, это «мистическая психологическая драма с элементами комедии». Пьеса заставляет задуматься о наших желаниях - о тех, которые мы озвучиваем, и о тех тайных, заветных желаниях, о которых никому не говорим и о которых даже самим себе страшно признаться». Сама пьеса мне показалась достаточно назидательной - некий дидактический учебный материал на тему: «Что такое хорошо и что такое плохо». И слова, вложенные в уста героинь, когда речь идет о каких-то общечеловеческих ценностях, несколько схематичны и банальны... Хотя тема-то очень даже серьезная.

Но я же пишу не о пьесе, а о спектакле, поставленном Ниной Герасимовой-Брукс. Действие пьесы, сыгранной небольшим актерским коллективом (Ольга Андропова, Вероника Евдокимова, Елена Хендри) разворачивается на странной станции, где могут сбываться любые, даже тайные, желания героинь. Героини, с разными судьбами и жизненным багажом, каждая по-своему пытается выбраться с этой станции - у нее-то и названия нет - просто Станция. Кто-то смиряется со своей судьбой, кому-то удастся Станцию покинуть. И все зависит от тайных желаний героинь...

Очень убедительна была Вероника Евдокимова, показывая, как ее Оля проходит путь от проговаривания просто своих желаний, которые тут же исполняются, до осуществления мечты, которая может сделать ее счастливой. У Вероники получился яркий и живой образ ее героини. Местами даже озорной.

Ира в исполнении Елены Хендри - несколько приземленная в своих мечтах, что не позволяет ей выбраться со Станции. Но, похоже, она и не хочет этого. Рассказать о такой личности у Елены получилось убедительно и очень даже хорошо.

Достаточно сложной, на мой взгляд, была роль у Ольги Андроповой. Сложной в том плане, что, рассказывая о судьбе своей Тани, ей приходилось озвучивать некоторые банальности авторского текста. Но Ольга смогла оживить и «очеловечить» свою героиню, украсив прямолинейность образа своим видением и яркими красками.

И о режиссере, которому, как всегда, удалось удивить зрителей своими интересными задумками. Нина Герасимова-Брукс на этот раз ввела в канву спектакля пластическую пантомиму. Эти лирические отступления под отлично подобранную музыку показывали внутренний мир героинь, их прошлое с неосуществленными желаниями и мечтами. Блистательный Олег Кадалов и очаровательная Аня Блэк были великолепны в этих пантомимах.

Очень понравились декорации, которые изготовила Татьяна Зимина, и костюмы, созданные Ольгой Андроповой.

Надо сказать, что вся команда, работавшая над спектаклем, со своими задачами справилась отлично. Это звукооператор Ольга Хоменко, светооператор Александр Титов, а также Юлия Ходжсон, Руслан Камалов и Руслан Никишев.

Спасибо режиссеру-постановщику и творческому коллективу за спектакль! А мы, зрители, как всегда, будем ждать их новых работ. И не будем опасаться своих тайных желаний, если они...

Римма Шкрабина, Окленд

УРА СЛУЖЕБНЫМ РОМАНАМ В «НАШЕМ ДОМЕ»!

Да-да - это так. Если они позволяют вспоминать и узнавать, радоваться и сопереживать, улыбаться и восхищаться, а потом, стоя, скандировать «Браво» и отбивать ладони аплодисментами. Именно такие чувства переполняли и меня и, не побоюсь написать, всех зрителей на музыкальном спектакле «Служебный роман» театрального коллектива «Нашего дома». И все же сначала не о спектакле, а о самом коллективе. Оказывается, как напомнила об этом его незаменимый руководитель Ольга Тарасенко, коллективу в этом году исполнилось целых 10 лет! Как же быстро они пролетели! Ох, и скорости нынче космические... А какой замечательный коллектив за это время сформировался! Не просто актеры, а ещё и певцы, и музыканты. И всем нашлось место и возможность проявить свои таланты. В итоге теперь мы, зрители, можем получать удовольствие от музыкальных спектаклей, которые ставит Ольга Тарасенко. Полный респект ей и ее Музыкальному театру!

А теперь про спектакль. Знающие пьесу Брагинского и помнящие до мелочей фильм Рязанова, все равно с огромным удовольствием следили за происходящим на сцене, отмечая забытые мелочи, улыбаясь немного нелепо звучащим сейчас репликам и терминам, слушая прекрасные хиты того времени, которые великолепно исполнялись вживую и под живую музыку... А такие детали как молоко в тетрапаковской упаковке или авоська с торчащими из нее продуктами, или

постоянно требующие внимания механические часы на руке главного героя - просто вызвали ностальгическое умиление... Спектакль закончился, а чувство праздника осталось... И расходиться не хотелось... И потребность пообниматься с актерами и каждому сказать спасибо с огромной большой буквы тоже имели место! Колоссальный труд всего коллектива и заслуженный общий успех. И все же очень хочется отметить тех, кого просто нельзя не назвать. Замечательная

пара, «закрутившая» служебный роман, - Руслан Камалов и Юлия Кривошекова, вы оба были великолепны! Очаровательно-типичная секретарша с походкой «от бедра» - Вероника Евдокимова. Аплодисменты! Узнаваемая и чуть утрированная в этой узнаваемости активистка из месткома - многогранная Ляйсан Сафина. И все сослуживцы (можно в кавычках, а можно обойтись и без них) составили великолепный ансамбль! Трудовой коллектив в лице Евгения Шевченко, Ольги Поляковой, Елены Хендри, Анастасии Роговой, Ксении Сорокиной, Алисы Сельвверстоун и тех, о которых уже написала или напишу ниже... И даже гости на вечеринке, с ролями без слов, но очень органичные и узнаваемые - Олег Нефедов и Антон Аверьянов... Спасибо вам всем огромное за праздник, который вы все вместе сотворили!

А какое удовольствие мы, зрители, получили, слушая любимые песни в прекрасном исполнении Ирины Китаевой, Елены Звягиной, Ляйсан Сафиной, Анастасии Роговой, Олега Токаева и Василия Нестеренко! Как органично, трогательно и душевно звучала музыка, исполненная незаменимой частью театрального коллектива: Елизавета Мартынова (клавишные), Андрей Успенский (скрипка), Алиса Бек (флейта), Константин Сигачев (гитара), Александр Мальцев (бас-гитара), Евгений Буцких (виолончель), Игорь Шнайдерман (ударные)..

Большой коллектив талантливых людей, и хочется назвать всех, кого ещё не упомянула. Светлана Носкова и Надежда Звонарева (декорации), Екатерина Мурзова (стилист и

гример), Александр Титов и Андрей Ломакин (свет), Ирина Льготкина (аранжировщик), Надежда Звонарева (помощник режиссера), Илья Чернуха (звук).

А Ольге Тарасенко, режиссеру и «вдохновителю всех...», - низкий поклон от благодарных зрителей.

С нетерпением будем ждать ваши новые постановки.

*Фотографиями поделились
Наталья Бьюкенен (Natalia Buchanan)
и Марианна Звонарева.*

Римма Шкрабина, Окленд

THE LEGENDARY HERBAL BITTER

Crafted Since 1752

MIX WITH
RIGA BLACK

TIMELESS VALUE IN MODERN MIXOLOGY

WWW.EUROLIQUOR.CO.NZ

Importer and distributor of spirits, beers and wines in New Zealand

ЖИЗНЬ НА ФЕРМЕ

Зачное знакомство с Ириной Макдональдс произошло в непростые времена несколько лет назад. Потом продолжилось в очном формате. Потом добавилось ещё многое интересное... И в итоге созрело это интервью... Вопросы задавала Римма Шкрабина (РШ). Отвечала Ирина Макдональдс (ИМ).

РШ. Традиционный первый вопрос. Ваш путь в Новую Зеландию.

ИМ. Впервые я приехала в Новую Зеландию по приглашению - учиться в Библейском колледже в Тауранге. Это было в 1998 г. В то время в России бурно развивалось христианское направление, а грамотных людей, тех, кто понимал Библию, ее историю и учение было мало... В России, будучи студенткой, я активно участвовала в жизни одной из местных церквей Владивостока и, когда появилась возможность получить дополнительное образование в НЗ, я эту возможность использовала. Проучилась год и вернулась домой во Владивосток. Год - это большой срок для молодой девушки (мне было тогда чуть больше 20-ти). Неудивительно, что за это время я познакомилась со своим будущим мужем, который приехал за мной в Россию, там мы и поженились.

Вернулась я обратно в НЗ вместе с мужем в конце 1999 года, где началась моя взрослая жизнь.

РШ. С каким «багажом» - в профессии, в опыте - вы начинали?

ИМ. «Багаж» у меня в России был маленький, после окончания института я практически сразу приехала в НЗ, поэтому взрослого житейского и профессионального опыта у меня в России не было. Все осваивала и профессионально росла уже здесь, в НЗ.

РШ. И как происходило освоение НЗ?

ИМ. Адаптация в новой и незнакомой жизни для меня проходила чуть проще, чем у других иммигрантов. Все же иметь мужа-новозеландца - это бонус.

Мы, тогда молодая пара, начали устраиваться практически с нуля. Нашли работу в Окленде и начали трудиться. Я в секторе «гостеприимство»/hospitality, потом в розничной торговле/retail. А муж сразу устроился в одну из телекоммуникационных компаний, где начал быстро продвигаться по карьерной лестнице. После рождения сына я продолжила работать в торговле, перешла на должность менеджера магазина в компанию Rodd and Gunnрез. Через 15 лет закончила трудовую карьеру региональным менеджером по подготовке персонала.

РШ. После такой успешной карьеры и вдруг ферма, переезд в сельскую местность... Почему произошел такой крутой поворот в роде деятельности?

ИМ. На решение переехать из города и заниматься фермерским проектом повлияло несколько факторов. Я разошлась с мужем, стала более свободной в принятии собственных решений. Потом необходимо было поддержать маму, Нину Ивановну, т.к. для нее жизнь в Окленде оказалась слишком стрессовой. Ферму я купила фактически для мамы... Ну и потом послековидные причины... А в итоге, я и сама, вслед за мамой, решила переехать на ферму и вот уже 3 года как живу здесь, оставив городскую жизнь.

РШ. Как выглядит сейчас ваша жизнь? Знаю, что ваша активность, в основном, связана с фермерским хозяйством. Можно подробнее рассказать о сельской жизни в НЗ, о сложностях, ваших успехах, планах и перспективах.

ИМ. Наша деятельность на ферме началась с пчеловодства. В наших владениях 30 гектаров с удивительной медоносной манукой - было бы неразумно не воспользоваться этим богатством. Потом стали развивать хозяйство: у нас появились свои бычки, овечки, куры... А затем появилась идея развивать фермерский туризм. И это последнее направление оказалось очень востребованным и популярным.

Конечно, фермерская жизнь - это совершенно другой образ жизни, требующий приобретения абсолютно нового набора навыков и умений. Было совершено много ошибок и натыкались мы с мамой на неожиданные подводные камни... Безусловно, преодоление этих трудностей явилось для меня личным вызовом - сделать наш фермерский проект коммерчески успешным.

После 3х лет я и мама пока довольны нашими темпами в развитии фермы и нашими достижениями. Но мы не стоим на месте - продолжаем приводить нашу ферму в порядок,

осуществляем свои новые идеи...

РШ. Понятно, что такой проект занимает большую часть времени. Но ведь я знаю, что у вас каким-то чудесным образом хватает сил и времени на многое другое - на общественную работу, на разные увлечения... Расскажите об этой стороне вашей жизни и о других своих интересах.

ИМ. Отметила к своему удивлению, что, оказывается, помимо фермы у меня остаётся время еще и на социально-активную жизнь. Я участвую вместе с Екатериной Им в проекте «Женская территория» (являюсь его администратором). Это социальная платформа на площадке Facebook для русскоговорящих женщин и девушек, проживающих в НЗ (от ред. О Екатерине Им и проекте «Женская территория» мы писали в «Нашей Гавани», №123). Наша группа помогает нашим участницам не только в бытовых вопросах, но и в выстраивании отношений, оказывает им всяческую поддержку. И это происходит не только в виртуальном пространстве, но и при наших очных встречах. Ведь в жизни иммигранта есть свои сложности. Поэтому я рада, что имеется возможность помочь советом и информацией, а также лично познакомиться со многими участницами. Кстати, некоторые из них уже смогли побывать у нас на ферме... Ну и я также стараюсь не пропускать различные культурные мероприятия в Окленде...

РШ. Ваши планы на будущее, если можно.

ИМ. Главное - продолжать развивать нашу ферму. Это действительно классное место и абсолютно приятная возможность заниматься нашим проектом. Рада, что у нас с мамой есть возможность своей радостью поделиться с людьми на страницах «Нашей Гавани». Приезжайте к нам в гости. Уверена, что не пожалеете!

РШ. Спасибо, Ира, за интересный рассказ о вашей не совсем привычной для горожанина жизни. Пусть все у вас получается и дальше.

ПОГОВОРИМ О НАШЕМ ЗДОРОВЬЕ

От редакции. Как мы и обещали, продолжаем публикацию заметок о медицине, подготовленных Натальей Гавриловой по читательским вопросам. Начало читайте в №124.

Какие основные программы обучения и повышения квалификации доступны для медицинских специалистов в Новой Зеландии и в каких приоритетных областях здравоохранения?

Я думаю, будет правильнее описать программу обучения и образования врачей в Новой Зеландии, обобщив ее основные моменты. Программа повышения квалификации автоматически встроена в программу обучения и является фундаментальной основой работы врачей после получения медицинского образования в университете. Молодые врачи проходят год интернатуры, затем они идут работать начинающими молодыми врачами как молодые специалисты или устраиваются в House surgeon или House offices. В основном, работая в госпиталях вместе с более опытными и старшими врачами, молодые специалисты получают первые навыки и приобретают опыт. В госпиталях существует правило, что молодые врачи должны поработать в разных отделениях и по разным специальностям, включая терапию, хирургию, педиатрию, гинекологию. Таким образом, они затем могут выбрать специальность по душе. Что они и делают через два года такой работы. Молодые врачи выбирают специальность и, работая по этой специальности, должны со временем получить сертификат по этой специальности - это следующая ступень в карьерном росте врачей. На этом уровне обучение происходит в специальных медицинских колледжах. В зависимости от специализации время обучения разное и может достигать семи лет, например в хирургии, а иногда и больше. За это время молодые врачи работают и одновременно

учатся, сдавая многочисленные экзамены. И только затем получают профессию специалиста. Часто врачам нужно менять место работы, чтобы получить опыт не только в одном государственном госпитале, но в разных медицинских учреждениях. После специализации врачи могут поехать в другие страны (на год или два), чтобы получить дополнительное образование или заниматься научными исследованиями. Только после этого врач может называться специалистом. Для врачей и специалистов в медицинских колледжах ежегодно организуется дополнительное обучение, и они должны отчитаться о своих успехах.. Эти программы включают такие ступени, как: регулярные выступления перед коллегами, участие в обучении молодых врачей... Новозеландские врачи имеют специальное финансирование для регулярных поездок на всевозможные конференции. Будучи специалистом, раз в шесть лет, каждый имеет возможность поехать в другой медицинский центр на три месяца для приобретения дополнительного опыта. Есть также возможность постоянно получать дополнительное образование в узких медицинских сферах. Так что система образования, очень похожая на систему в Англии и Австралии, предоставляет много возможностей всем врачам без исключения по всем специальностям и в разных медицинских областях.

Какая из областей медицины является самой успешной в научных исследованиях в стране? Та, которая повышает уровень здравоохранения в Новой Зеландии и способствует научному признанию страны в мировой научной среде в этой области?

Я, к сожалению, не могу ответить на этот вопрос точно, поскольку у меня нет полной информации о том, в какой области медицины у Новой Зеландии имеются самые прорывные научные исследования. В современном мире обычно серьезные научные исследования проводятся в крупных университетах и научных лабораториях, которые для этого серьезно финансируются. И, конечно, всё это происходит в Америке, Европе и сейчас - в Азии. Но всё-таки научная

деятельность осуществляется и у нас - в Оклендском университете и в Университете Отаго (Данидин). Все большие госпитали Новой Зеландии участвуют в клинических исследованиях, включая испытания новых лекарств, новых методов лечения и новых технологий. К сожалению, в реальной жизни очевидно, что для больших исследований просто не хватает средств.

Наталья Гаврилова, Гамильтон

АРХИТЕКТОР Ф. ХАНДЕРТВАССЕР И КАВАКАВА

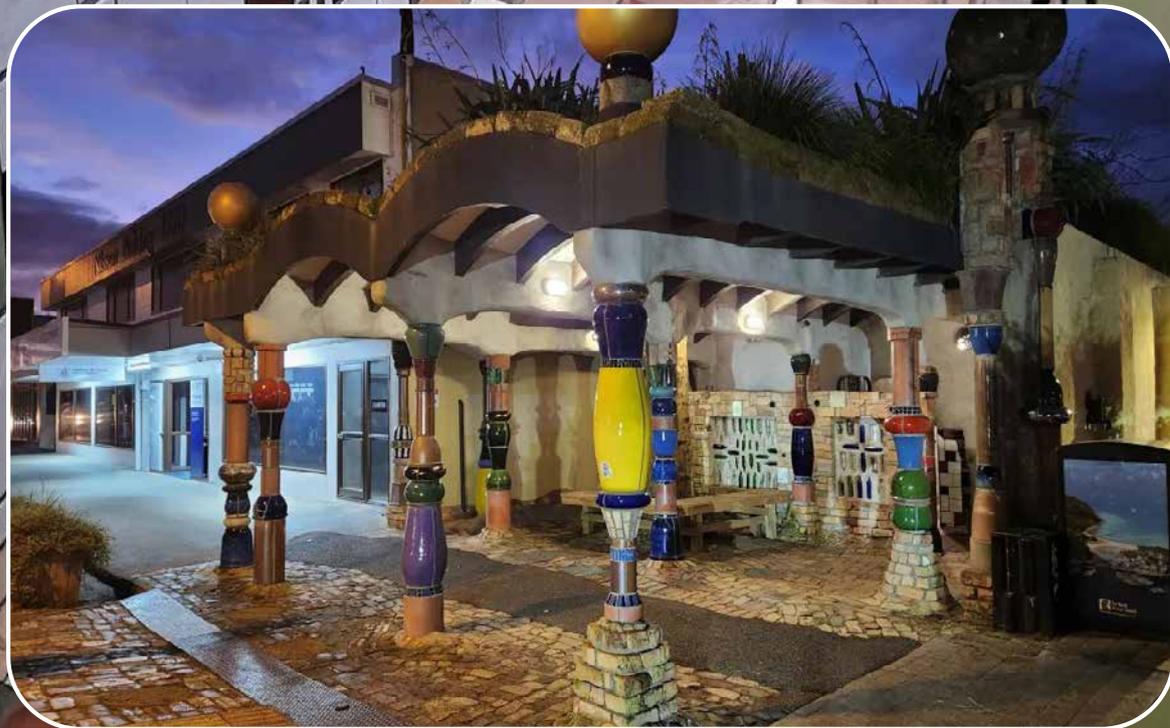
Продолжаем рассказывать о наследии Фриденсрейха Хандертвассера в Новой Зеландии. Речь пойдет об удивительном месте в городке Кавакава/Kawakawa на севере Северного острова. О самом архитекторе и новом Центре искусств его имени мы рассказывали в предыдущем номере, №124. А вот с чего Хандертвассер начинал в Новой Зеландии? Конечно, многие знают об этом, но мы решили напомнить об особенном здании в Кавакава.

Итак. Городок Кавака на севере Северного острова и общественные туалеты, спроектированные Фриденсрейхом Хандертвассером. Сооружение трудно не заметить, находясь в городке. Это уникальное творение архитектора, подаренное Кавакаве в 70-х годах прошлого столетия. Он жил там в те годы. Особый стиль архитектора, отвергающий

прямые линии, сразу бросается в глаза. В сочетании с красочной мозаикой, булыжником и даже пустыми стеклянными бутылками здание являет собой неповторимый и функционально действующий памятник.

*Фотографии автора.
Виктор Глумсков, Окленд*

CULTURE

EXHIBITION: SYRIA – A BIBLICAL LAND

Throughout March, visitors to the exhibition hall of the Russian Orthodox Church had the opportunity to explore the works of the distinguished Russian artist Vladimir Nadezhin. The exhibition was organised by the Heritage and Future Charitable Trust.

In this article, I'd like to share some insights into the artist and the works showcased at the exhibition. For those interested in learning more about Nadezhin's biography and artistic career, comprehensive information is available online.

Vladimir Nadezhin was born on 22 June 1949, in Kostroma. Tragically, he lost his mother at a young age and had a strained relationship with his father. Although his father allowed him to sing in the church choir, he forbade him from joining the children's choir and did not encourage his interest in drawing.

Volodya, as he was known, was one of three children raised by their grandmother. To help the family, Volodya's art teacher suggested that he apply to the Moscow Secondary School of Art, where he could receive full government support. After successfully

passing the entrance exams, he enrolled in the school at the USSR Academy of Arts, graduating in 1968. He later graduated from the Moscow Higher School of Art and Industry in 1973.

In 1979, Nadezhin became a member of the Union of Artists of the USSR. He was honoured with the title of "Distinguished Artist of the Russian Federation" in 1985. Nadezhin's works have been exhibited in Russia, the USA, the UK, Spain, Indonesia, India, Egypt, Luxembourg, Bangladesh, Tanzania, and Zambia, and his paintings are housed in museums in Russia, Greece, India, Zambia, and Spain.

Nadezhin was behind numerous museum projects in Russia and abroad, including the State Museum of Gulag History, the Memorial Museum of German Antifascists, the Lenin Museum, and the Ho Chi Minh Museum in Vietnam.

The Auckland exhibition, titled “Syria – A Biblical Land,” features Nadezhin’s works from private collections and is divided into two themes:

Syria-Damascus: In 2003, Nadezhin visited Syria at the invitation of the Russian Cultural Centre in Damascus. Despite numerous close calls due to the onset of the U.S. and U.K.-led coalition war against Iraq at the time, the trip ultimately went ahead. Over two weeks, a small delegation toured Syria’s most fascinating sites. The artist typically had no more than an hour to sketch, intending to refine his paintings later, but circumstances prevented this, leaving the works as they were created during his visit.

Much of what Nadezhin observed in Syria in 2003 has since been destroyed by radical Islamists, including significant cultural heritage like the ancient city of Palmyra. His paintings thus hold great value, serving as both a memory of a country devastated by war and a testament to the Biblical and Christian history of the region.

The series consists of 16 paintings, depicting Syria’s rich ancient Christian history and the intricate blending of faiths and religions. Particularly notable are the works centered on Palmyra, one of the wealthiest cities of late antiquity founded by the Hurrian king Kirta. Palmyra saw various inhabitants and rulers, including the Assyrians, Romans, Israelites, and Aramaeans, before becoming the Syrian village it is today, surrounded by majestic ruins of

some of the finest examples of ancient Roman architecture. The “Syria-Damascus” series also includes works on Biblical themes.

Spanish Series: Alongside the Syrian series, the exhibition features pieces from Nadezhin’s Spanish series, which he created while living in Spain with his second wife, a native Spaniard. These works are imbued with the radiant light of the Spanish sun.

The opening of the exhibition in Auckland attracted a substantial crowd, who viewed Nadezhin’s works with great interest. Nadezhin expressed deep gratitude to the exhibition organisers, as well as Father Vladimir, and the Auckland Orthodox Church, for providing the venue and assisting with the organisation.

*Viktor Egorov, Auckland-Moscow
(translated by Lena Naumova)*

НОВОЗЕЛАНДЦЫ В ГРЕЦИИ – АПРЕЛЬ 1941 ГОДА

Мы продолжаем печатать материалы нашего австралийского автора Владимира Крупника об истории участия новозеландских военных во Второй мировой войне. На этот раз публикуем его материал с сокращениями. Полностью статью читайте на сайте www.warsstory.org

Греческая кампания, в которой австралийские, британские и новозеландские части под общим командованием британского генерала Хенри Уилсона (Henry Maitland Wilson) поддерживали греческую армию в ее противостоянии германскому вторжению, была плохо спланированной и окончившейся катастрофой кратковременной операцией. Она была вызвана политической необходимостью, связанной с гарантией, которые Великобритания предоставила Греции на случай неспровоцированной агрессии третьей стороны. 8 апреля Германия одновременно вторглась в Грецию и Югославию. Переброшенные в Грецию в марте-апреле союзные части сильно уступали противнику в численности: 58 000 солдат и офицеров, в том числе, 16 720 солдат новозеландцев, прибыли в Грецию из Африки и вместе с союзниками вступили в бой против двух немецких армий: 12-й (13 дивизий) и 2-й (15 дивизий), каждая из которых включала четыре танковые дивизии. Действиям союзников мешали плохая связь, примитивная дорожная система, труднопроходимая горная местность, низкая боеспособность греческих войск и, главное, быстрые, мобильные атаки немцев. В первый же день, после опустошившей Порт Пирей воздушной атаки, союзники потеряли инициативу и так и не сумели овладеть ею. Уже через неделю после начала боевых действий союзники были вынуждены отступить на юг...

Прелюдия.

Специальный приказ генерала **Бернарда**

Фрейберга (Bernard Cyril Freyberg), командир 2-й Новозеландской Дивизии), зачитанный на каждом направляющемся из Египта в Грецию войсковом транспорте с новозеландцами на борту: *Прежде чем отправиться из Египта на фронт, я запланировал лично донести до вас последнее слово. Я нахожу, что события развиваются быстро, что не дает мне возможности сделать это. В этой связи я отправляю вам свое послание в запечатанном конверте, который нужно будет открыть на борту транспортов после того, как вы тронетесь в путь. Через нескольких дней вы, возможно, вступите в бой, защищая Грецию, родину культуры и образования. Мы столкнемся с нашим настоящим врагом – с немцами, которые поставили своей целью разрушение Британской Империи. Из этого очевидно, что где бы мы ни сражались с ними, мы будем сражаться не только за Грецию, но и за собственные дома. Одно слово о нашем противнике. Немецкий солдат – храбрый боец, так что избегайте недооценки трудностей, которые ждут нас. С другой стороны, помните, что на этот раз он вступает в бой, когда его коммуникации затруднены, в стране, где он не может использовать в полной мере свои мощные бронетанковые силы. Далее. Вы должны помнить, что ваши отцы из 1-го Новозеландского Экспедиционного Корпуса побеждали немцев в последней войне, где бы они с ними не сталкивались. Я уверен в том, что в этой кампании в Греции немцы встретят людей, которые крепче, сильнее и лучше обучены, чем они ... Вы умеете стрелять и умеете совершать марши на большие расстояния, не зная усталости. Решительно и*

точно стреляя, энергично патрулируя в ночное время, вы можете одолеть любого врага, с которым столкнетесь. Далее. Многие из вас, насколько я понимаю, впервые узнают, что такое испытание боем. Не давайте застать себя врасплох. На войне всегда тяжело, особенно во встречном бою, время всегда будет работать против вас, там всегда будет шум и неразбериха, приказы на поле боя будут поступать с опозданием, нервы будут на пределе, вы будете под атаками с воздуха. Но вы прошли физическую подготовку, чтобы выдержать долгие марши и утомление, и вы должны приобрести твердость стали, чтобы преодолеть испытания современной войной. Одно последнее слово: вы будете сражаться на чужой земле, и взгляды многих народов будут сфокусированы на вас. На вас возложена честь Новозеландской Дивизии. Она не могла оказаться в более достойных руках.

Из воспоминаний новозеландского офицера - Леонард Торнтон (Leonard Thornton, 1916-1999), майор, участник боевых действий в Африке и Италии, в послевоенное время дослужился до звания генерал-лейтенанта и занимал должность начальника генерального штаба новозеландских ВС: Правительство Новой Зеландии с неохотой согласилось на отправку нашей дивизии в Грецию. Теперь, когда мы смотрим в прошлое как на историю, ясно, что никаких надежд на успех не было. Там были мы и еще британская и австралийская дивизии, на усиление должна была прибыть бригада довольно изношенных танков. Такими были наши силы, и мы были слегка обеспокоены, когда узнали во время погрузки на корабли, что в Каире уже существует организационный комитет, который должен будет заняться планированием нашей эвакуации, если такое возможно, - это не слишком поднимало настроение! Так или иначе, мы отправились в Грецию, в северную Грецию, и разместились на оборонительных позициях. К этому времени я оставил должность адъютанта в своем прежнем полку, я бы сказал, к моему облегчению (это была штабная позиция), и теперь командовал артиллерийской батареей.

Начались бои, но они едва ли продолжались сколь-нибудь долго, потому что на нас наступали 12 немецких дивизий. Мы сражались так, как могли, на горных проходах в районе горы Олимп, и именно там я впервые оказался под огнем на реке Алиакмон. Результат был предсказуемым: мы откатились назад настолько быстро, насколько это было возможно, и эти бои были, на самом деле, сдерживающими: они давали возможность основным силам отступить по дороге на Афины. Были у нас еще бои в районе Фермопил, где когда-то давно имело место знаменитое сражение.

Лагерь новозеландцев в районе горы Олимп

Кеннет Фрэйтер (Kenneth Frater), водитель из Корпуса Армейского Обслуживания/Army Service Corps. В самом начале кампании он случайно встретил министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена (Anthony Eden): Припасы прибывали из Пирея по узкоколейке, проходившей через Катерини/Katerini. Я работал на погрузке, на станции, находившейся неподалеку от Катерини, и как-то пошел в сделанный из гофрированного железа туалет, чтобы оправиться. Тут я услышал, что на станции остановился поезд, после чего в сортир забежал парень в костюме в поло-сочку и с фетровой шляпой на голове и встал рядом со мной. Он спросил: «Вы новозеландец?» - «Да,» - сказал я. Он протянул мне руку и представился: «Иден.» Пожал ему руку и говорю: «Фрэйтер.» Вот так вот я отлил вместе с британским министром иностранных дел и будущим премьер-министром. Он до этого встречался в Болгарии с правительством

этой страны и сказал мне, что рассчитывает завтра улететь в Великобританию.

Перед боем.

Джордж Браун (George Brown), лейтенант, 20-й Пехотный Батальон): Мы сошли на греческий берег в гавани Пирея и промаршировали к нашему бивуаку, который был просто превосходным после жары [североафриканской] пустыни. Мы осмотрели Афины, узнали немного больше об истории этого города, выпили превосходного местного вина и съели по отличному стейку, после чего на поезде отправились в Катерини. Проведя там несколько дней, мы тронулись в путь на грузовиках, думаю, это была Риакия/Ryakia – оттуда по ночам были видны огни Салоник. Там мы окопались, а местные жители показали нам очень гостеприимными. Мы, офицеры нашей роты, разместились в одном из домов, и греки стали приносить еду и своих детишек, чтобы показать их нам. Наши батальонные инженеры установили насос над одним из городских колодцев. Местный священник получил от нас несколько десятков плиток шоколада – понятное дело, этого было мало для тысячи человек, так что полковник и священник пошли в местную школу, и, думаю, к восторгу детей, который те продемонстрировали, раздали всем по куску шоколадного торта. Мы заняли оборонительные позиции вокруг Риакии. Теперь ожидалось, что Югославия капитулирует, а мы будем защищать Грецию... Одним поздним вечером нас подняли, и мы начали долгий марш к линии, доминировавшей над долиной реки Алиакмон. Шел снег, а укрыться нам было негде. Мы расположились на ночь замерзшими и голодными. Со временем мы окопались, наладили патрулирование местности и провели богослужение. Во время этой службы, которую проводил падре Досон (Dawson) налетели джерри (Gerry - распространенное у британцев прозвище немцев - ВК) и обстреляли нас, но никто не пострадал. Потом мы двинулись вперед всем батальоном, никаких стычек с немцами не было, и, в итоге, нас отвели назад. В ходе отступления немецкая авиация господствовала в воздухе, и мы были

под интенсивными бомбежками. Были пострадавшие, думаю, тогда мы отступили вплоть до Лариссы. Одним утром на сказали, что наша рота должна занять позицию на очень высокой горе – должно быть, ее высота была под 3 000 футов. Мы стали карабкаться на эту гору – троп там не было, дорога через буш была живописной, всюду были белки. Мы остановились на ланч, и Полковник Киппенбергер (Howard Kirpenberger, командир 20-го Батальона) подошел ко мне и присел рядом. Пока мы ели, появился вестовой и принес ему сообщение. Он прочитал его и передал мне, но сказал: «Джордж, не говори людям, пока я не отойду подальше: мы отступаем.» Поднявшись вверх на тысячи футов, мы теперь стали спускаться вниз. Потом нам сказали уничтожить все, что можно. У меня и моего друга Джека Бэйнса (Jack Baines), с которым я жил в одной палатке, был свой граммофон His Master's Voice, мы расколотили киркой его и все пластинки. У меня просто душу рвало на части...

Рекс Томпсон (Rex Thompson), водитель из Корпуса Армейского Обслуживания: Мы возили грузы на базу в Лариссе, которая находилась на полпути к северной границе Греции. Там был большой склад, и немцы, придерживавшиеся строгого расписания, бомбили его каждый день во время ланча. Складской народ выскакивал из помещений, как только начинали выть сирены, и мы, любознательные киви/kiwi (самоназвание новозеландцев – ВК), имели время, чтобы хорошо осмотреться. [Хранившийся на складе] ром был очень популярен среди нас и очень помогал...

Ричард Кин (Richard Kean), сержант, младший офицер связи артиллерийской батареи: Мы прибыли в Пирей, афинский порт, сошли на берег и промаршировали через Афины куда-то за пределы города, где расположились в тени деревьев. Через какое-то время мы тронулись в путь и остановились к югу от прохода в районе горы Олимп, потом снова двинулись вперед, через саму эту гору, на другой ее склон, и добрались до деревни в окрестностях города Кифос/Курфос, где разбили лагерь. Мы вырыли довольно приличный окоп,

чтобы было, где жить и где разместить телефонный узел. Немного пошатались и нашли кое-что, знаете, типа крышу от старенького бомбоубежища Anderson (см. фото справа), чтобы накрыть сверху наше жилище. Так или иначе, его достаточно, если сверху присыпать землей. Мы попросили греческого фермера распахать землю, наваленную на эту крышу, и наш бункер вообще стал незаметен. Потом мы двинулись дальше, и, по какой-то причине, известной только ему, мой майор решил, что ему нужен передовой пост прослушивания и что сидеть на нем должен я. Почему так, сам не знаю, но, когда я расположился на этом посту, у меня в поле зрения было постоянное движение, местность была под бомбами, всюду были пожары, а я тем временем сидел неизвестно где, - я и телефон. Потом я услышал шуриание, треск и шорохи, доносившиеся из зарослей кустарника. У меня с собой был только револьвер калибра .45, так что я вытащил его и стал вслушиваться. В итоге, я обнаружил, что это были две черепахи, занимающиеся любовью. Ну и страху я натерпелся тогда! Нас все время перебрасывали с места на место, и, в итоге, моя батарея была отделена от полка и отправлена в распоряжение 17-й Австралийской Бригады, на другой берег. Меня оставили на месте, и не разрешили сворачиваться, хотя батарея отбыла восвояси. Я был сильно обеспокоен, потому что в небе появлялись бомбардировщики, а там, где раньше были наши пушки, были большие ямы, но, в конце концов, я получил приказ сниматься с места. Было страшно темно, и все, что у меня было, это телефон и мотоцикл. Я добрался до нашего штаба, и полковник сказал: «О, извините, сержант, я совсем про вас забыл. Ваша батарея переместилась на другую сторону горы, и, если вы найдете пост номер 3 на той стороне, вам подскажут, куда они перебрались.» В итоге, я добрался до своих, мы промаршировали через Лариссу/Larissa ... и разбили лагерь. По пути мы следили за самолетами, видели, как от них отрываются трассы пулеметных очередей и как они пикируют, и довольно энергично плюхались на землю на обочинах дороги. Потом мы к этому привыкли. Мы заняли оборонительную

позицию и оставались на ней какое-то время. Как-то вечером я слез со своего мотоцикла, было около четырех после полудня, и я прилег поспать. Вскоре раздались радостные крики, и я увидел в небе около 30 самолетов, подумал было, что это Спитфайры/Spitfire или Харрикейны/Hurricane, но оказалось, что были Мессершмитты/Messerschmitt. Они стали снижаться... Немного за нами находился аэродром, на котором базировались Гладиаторы/Gladiators и Лайсэндеры/Lysender. Один Лайсэндер поднялся в воздух вместе с двумя Гладиаторами, и они сумели сбить пару Мессершмиттов, но позднее немцы вернулись и уничтожили всех наших. Со временем мы спустились к рыбацкому городу под названием Волос/Volos. Там мы хорошо обустроились в траншее глубиной около 10 футов, широкой и просторной, где можно было двигаться. Мы вкопали телефонный щит (exchange) в борт траншеи, протянули линии связи, и какое-то время все были довольны. В полях у нас за спиной рос горох и все такое, все это созревало, и мы выбирались туда, собирали, что могли, и возвращались обратно, когда в небе появлялись самолеты. Через какое-то время ситуация стала более беспокойной, и наши линии связи оказывались перебитыми [после обстрелов с воздуха].

Александр Роджерс (Alexander Rogers), сапер: Мы едва успели пробить в пути несколько часов, когда весь конвой развернулся и отправился обратно в Алекс (так британцы часто называли Александрию – ВК). Итальянский флот поджидал этот конвой, но британцы его опередили. Средиземноморский флот взялся за дело и утопил все итальянские корабли. Фантастика – мы слышали шум боя где-то вдалеке, а на следующий день нам рассказали, что произошло. [Речь идет о сражении у мыса Матапан 28 марта 1941 года, в котором Королевский флот потопил три итальянских крейсера, два эсминца и повредил, по меньшей мере, один линкор]...Перед нами была поставлена проложить объездную дорогу и выйти в расположение Батальона Маори в районе горы Олимп. Мы начинали работать на рассвете, были в дороге до темноты, спали

под грузовиками, палаток не расставляли. Ели только говяжьё тушенку и галеты, и через пару недель дело было сделано. Мосты были построены, они и дорога были заминированы на тот случай, если ей воспользуются джерри. Однако на мины не установили взрыватели, и немцы оказались первыми, кто прошел по этой дороге: они обошли Батальон Маори и отрезали их...

На линии фронта.

Неизвестный пулеметчик, 10 апреля, северный рубеж, район Веви: *На следующий день, 10 апреля, новозеландские пулеметчики окопались над маленьким городком Веви, откуда было хорошо видно, как 64-й Королевский Артиллерийский Полк громит продвигающуюся по дороге немецкую моторизованную колонну. Нанесенный противнику ущерб было трудно оценить, но мы видели, как вражеские пехотинцы разбегаются сквозь разрывы снарядов в поисках укрытия...*

В ночь с 11 на 12 апреля пулеметчики 27-го Батальона непрерывно вели огонь по немецким позициям. Утром немцы отбросили обороняющих правый фланг Королевских Рейнджеров, которые отступили через позиции новозеландского пулеметного батальона.

Вспоминает неизвестный пулеметчик: *С моей позиции я разглядел прорыв противника, солдаты которого карабкались через высокую гряду справа от нас примерно в точке 7765. Перед самым полуднем Рейнджеры отступили без приказа через позиции пулеметчиков...*

К этому времени новозеландцы, сражавшиеся против хорошо экипированных немецких горных стрелков, не ели три дня и начали страдать от переохлаждения и обморожения...

Неизвестный новозеландец об отступлении с оборонительного рубежа в районе Веви: *Отступление под напором имеющего подавляющее преимущество врага – тягостный опыт:*

усталые люди должны пройти большее расстояние, чем их преследователи, им приходится разворачиваться и драться там, где местность благоприятна для этого, а потом снова трогаться в путь и идти безостановочно, чтобы не попасть в окружение. Ничто не вытягивает из тебя мужество так сильно, как холод, голод и утомление – сила воли покидает тебя, когда твое тело больше не в состоянии починяться приказам...

Джордж Клифтон (George Herbert Clifton, 1898 – 1970), бригадир, командир 6-й Бригады Алиакмонская Линия: *Через северный борт долины хлынули сотни [вражеских] пехотинцев, которые несли с собой складные лодки. Они оказались зажатыми на полосе шириной 30 ярдов между подножием склона и руслом, и шансов под огнем Виккерсов/Vickers у них не было. Три решительные попытки переправиться провалились, после чего на залитом кровью берегу остались трупы и разбитые лодки, часть из которых понесло течением реки к морю. Оставаясь начеку, новозеландцы всматривались в темноту, сквозь дождь, ожидая ночную атаку, но ничего так и не случилось. На следующее утро имел место еще один малоэффективный артобстрел, на который энергично ответили четыре 25-фунтовки. В поздние послеполуденные часы, в соответствии с планом и под прикрытием сильного ливня кавалерия (новозеландский Кавалерийский Полк - механизированная часть, оснащенная бронемашинами Мармон-Херрингтон/Marmon-Herrington - ВК) отступила. Люди были в восторге от своего первого столкновения с противником и покинули рубеж на реке почти неохотно.*

Отход с позиций в районе Веви, где многие новозеландцы так и не вступили в бой. Из дневника рядового **Билла Глю (Bill Glue):** *8 апреля – Около 07.30 вечера нам приказали паковать вещи и быть готовыми к маршу. Ждал, попытался немного поспать (не удалось) под брезентовым навесом, так до часа ночи. Позавтракали, вышли в 02.00, шли два часа по горной дороге с рюкзаками с скатками. Валялись на дороге полтора часа в ожидании*

проводника. Немного поспал и проснулся, сильно замерзнув. 9 апреля – Снова в пути с 05.40 до 8 утра. Должно быть, прошли 10-11 миль. Идти довольно тяжело – все немного устали. Остановились на три часа в лесной просеке. Майор Пэттерсон [Patterson] сказал всем побриться, что не было воспринято положительно, однако после этого почувствовал себя намного лучше. Прошли с полмили – потом по машинам: 20 человек в один грузовик – набились довольно плотно. Ожиданий и остановок было больше, чем обычно. Несколько из них – из-за неисправности с подачей бензина. Большая часть колонны проехала мимо нас. Было уже 8 вечера, дождь лил как из ведра, когда мы прибыли на место. Ужин готов не был до 10 часов, все еще шел сильный дождь, так что я лег спать. Одежда, шинели, ноги – все мокрое. 10 апреля – Самая мерзкая ночь в жизни. Поспал несколько часов, потом лежал, закутавшись в мокрое одеяло, до утра. Сыт по горло армейской жизнью. Дует холодный ветер со снегом. Дрянной завтрак, но как хочется есть. Подсушил кое-какие одеяла на ветру. Трогаемся в путь в 10.30. Промаршировали около мили до деревни [Лава/Lava], где улеглись спать в сенном сарае.

Из дневника пулеметчика (Брен) Уолли Кимбера (Wally Kimber): 9 апреля – Тронулись в путь в 08.30 (должны были в 06.30) – самый дрянной конвой из всех, в которых я был на марше. Множество остановок – то транспортеры ломались, то кончался бензин. Отстал от конвоя, ночевал в греческом полицейском участке. Проехали 64 мили по довольно красивому горному проходу (северо-западные склоны горы Олимп – ВК). Некоторые участки дорог были глинистыми и шли через кустарник, другие получше, со множеством извилин. Спал под открытым небом – очень сыро и очень холодно. 10 апреля – Воссоединился со своими утром. Некоторые грузовики увязли. Дождь все еще льет. Окопались там, где нам приказали.

Новозеландцы на перевале Сербия/Servia к северу от горы Олимп - по страницам дневника Дэна Дэвина (Dan Davin, 1913-1990): 15 апреля немцы начали прощупывать

сильными разведывательными патрулями позиции 5-й бригады, но пушки 5-го Полка Полевой Артиллерии не дали им подойти на слишком близкое расстояние. После полудня немцы попытались вступить в контрбатареиную борьбу, но не сумели выявить расположение хорошо замаскированных британских пушек. Ни один снаряд не упал даже близко к ним. Вечером передовые пикеты 22-го батальона услышали, как немцы кричат что-то по-английски. Солдаты придержали огонь, полагая, что немцы хотят выявить местонахождение их замаскированных позиций. К своему неудовольствию, утром они обнаружили, что немцы разрезали их проволочное ограждение и убрали в нескольких местах мины. Взвод, в котором служил Дэн Дэвин тоже заминировал подходы к позициям 23-го Батальона, но, оказалось, что у них были дефектные детонаторы, и ни один немец на них так и не подорвался. В 08.30 Kampfengruppe Eip пошла вперед. Две роты 1-го Батальона 2-го Пехотного Полка атаковали фланг 22-го Батальона, намереваясь подавить все находившиеся здесь пулеметные гнезда и прикрыть основные силы, наступающие по шоссе со стороны Катерини. Артогонь 5-го Полка и пулемет 27-го Батальона сорвали атаку первой из рот. Вторая рота, продвигающаяся по шоссе, попала под огонь артиллерии и пулеметов. Она отступила, оставив на дороге девять горящих машин. Еще одна атака, на этот раз танков, попытавшихся обойти мост, тоже не принесла результатов, так как интенсивный огонь пушек 5-го Полка заставил их отступить. Один танк при этом застрял в грязи на берегу реки. Подполковник Фрейзер (K. W. Fraser) из 5-го Полка выдвинулся на передний край позиций 22-го Батальона и, корректируя огонь с помощью рации, помог подавить, по меньшей мере, одну минометную точку противника. Артиллеристы Батарей E 7-го Полка Противотанковой Артиллерии хорошо понимали ограниченность возможностей их двухфунтовок, и не открывали огонь, пока панцеры не приблизились к ним в 08.40, после чего взялись за дело. Немцы откатились, оставив на берегу реки один горящий танк. В итоге, немцы поняли, что в лоб по дороге

не пробьешься, и решили обойти позиции 5-й Бригады. Поскольку бригада удерживала довольно широкий сектор, маневр немцев было трудно не только остановить, но и просто разглядеть, так как они двигались в затянутом туманом сосновых зарослях. Весь остаток дня немцы удовлетворялись тем, что вели огонь по позициям 22-го Батальона из 75-мм пушек своих танков Pz. IV. Дэвин записал в своем дневнике: «Я почувствовал, что справа что-то происходит, но не смог разглядеть, что это было.» С КП роты приходили противоречивые сообщения: сначала приказ на отход, потом «продержаться еще час или около того». В поздние послеполуденные часы немцы предприняли решительную атаку на позиции Роты С 23-го Батальона. Они приблизились на правом фланге и смяли взвод Дэвина: «Стреляя из автоматов и бросая гранаты, они пробивались через проволочное заграждение.» Несмотря на неразбериху Дэвин все еще мог видеть, как «хорошо скоординированными действиями новозеландские артиллерия и пулеметы дают немцам жару.» Немцы смяли отделение 13-го Взвода, и несколько человек попали в плен, но в ходе контратаки были отброшены. Дэвин записал в дневнике, как один из пулеметчиков, вооруженный Brenом, рядовой Инглис (Inglis), из 3-го Отделения капрала Куинна (Quinn), спрыгнул к нему в окоп с криками «они все убиты, все убиты». Он сказал Дэвину, что был единственным уцелевшим из отделения, все остальные погибли. Солдат, впервые вступающий в ближний бой, часто теряет ориентировку и верит в то, что только он остался жив...

Хамфри Дайер (Humphrey Goring Dyer, 1896-1977), майор, командир роты 28-го Батальона (Маори), рассказывает об атаке новозеландцев в каньоне Мавронери/Mavroneri окрестностях горы Олимп 16 апреля 1941 года: Маори впервые столкнулись с ударными немецкими частями в районе горы Олимп. Рота D, которая была размещена на левом фланге батальона, при приближении немцев втянулась в глубокий каньон. Мы поспешно вырыли стрелковые ячейки между деревьями и протянули ту колючую проволоку, которая

у нас была под рукой, на высокой стороне ведущей к мельнице дороге, проходящей через выемку в средней части южного склона. Ниже, ярдах в 300-400, между деревьев, несся горный поток, в то время как с другой его стороны, круто поднимаясь, нависал склон великой горы. За день до этого немцы выдвинули танки и пехоту на позиции напротив батальона, правый фланг которых находился в районе перевала Петра/Petra. Они протягивались вдоль подножия гор, доминируя над долиной реки Катерина/Katerina. Рота A, Нганухи (Ngarihihi – крупнейшее племя маори в Новой Зеландии – ВК), оказалась под сильным пулеметным огнем. Хорошо поработал минометный взвод. Вражеские разведчики были на горном склоне напротив нас, в районе деревни Скотеина/Skoteina, в трех милях выше по реке, где у нас был передовой пост. Утром было очень облачно, опустился туман, и шел дождь. Видимость была всего несколько ярдов. Временами можно было видеть, как солдаты противника передвигаются по склону напротив нас. Рота B, Арава (Arawas – конфедерация маорийских племен iwi и hari – ВК), находившаяся справа от нас, открыла по ним огонь из Brenов/Bren с 1 200 ярдов. Приказ был держать под наблюдением передовую линию, пока в это время одна треть людей тащит вверх по склону, к батальонному штабу, свое тяжелое оружие, поскольку нам предстояло отступление после прихода ночи. Соответственно, когда противник атаковал 16-й Взвод позднее в тот же день, некоторых людей из его состава, включая взводного командира, на позиции не было. Половина взвода, занимавшего позиции в центре, была переброшена в Скотеину. Каждому взводу была дана инструкция направить разведчиков в днище каньона, чтобы они вступили в бой с противником и задержали его. Из 17-го Взвода туда отправился Таинуи (видимо, речь идет о солдате из этой конфедерации новозеландских племен – ВК). От 16-го Взвода пришло сообщение о том, что напротив него концентрируются две роты противника. Снизу до нас донеслись звуки беспорядочной стрельбы и быстрое тарыхтение немецких пулеметов. Позднее я слышал, что Таинуи, увидев первых немцев, бегущих по направлению

к нему, прыгая с валуна на валун, пожалел, что он не находится дома, в Новой Зеландии, и подумал о том, что был большим глупцом, записавшись в армию. Ну а сколько солдат не думало о том же в своем первом бою? Кто бы не почувствовал себя так же, оставшись в одиночку в диком каньоне и видя вражеских солдат, бегущих тебе навстречу, а ты всего лишь молодой парень и необстрелянный солдатик, рядом с которым нет другого товарища, кроме винтовки и рвущегося из груди сердца? Таинуи выстрелил в первого немца и убил его. Он выстрелил во второго и увидел, как тот упал на колени и пополз. Позднее он рассказывал, что почувствовал соблазн прикончить его, но подумал: «Бедный чертенок, я не могу этого сделать.» Потом он пошел назад, к своему взводу, который был слева, стреляя в каждого вражеского солдата, который попадался ему на глаза. Позднее он говорил: «Почему вы не дали мне Брен? Я мог бы удерживать этот брод еще долгое время.» Именно тогда на 16-й Взвод на нашем правом фланге обрушилась целая лавина. Над нами все еще проплывали клочья облаков. Временами мы могли четко видеть противоположную сторону каньона; временами – только призрачные силуэты деревьев где-то напротив. Неожиданно наступил бедлам. Вражеские солдаты пошли в атаку на нас, придавливая проволоку к земле и выкрикивая по-английски: «Страшно?! Бегу!/Frightened! Run!» Трещали выстрелы их пулеметов, автоматов и винтовок. Батарей двухдюймовых минометов обрушила нас свой огонь. То там, то тут рвались гранаты. Мы вели ответный огонь. Наши тяжелые минометы, бомбы и артиллерия засыпали долину снарядами. Командиры и рядовые солдаты кричали, вопили, все перемешалось в этом тумане и в этих зарослях. Теперь я хотел бы упомянуть храбрецов: Хэрри Таитуха (Harry Taituha), отделение которого было смято и который отказался бежать и был оставлен, потому что его сочли убитым; Карету (Karetu), который стрелял из своего Брена и убивал немцев в упор; Джоу Хироти (Joe Hiroti) и Кэролла (Carroll) – автоматчиков, которые ушли, чтобы искать солдат противника; Тома Хавеа (Tom Hawea) и Мёрфа (Murph)

– минометчиков, которые не поддались страху; Фаулера (Fowler), вестового паренька, который редко когда чего-то боялся; Тапуке (Taruke), батальонного клерка, который оказался среди нас со словами «Я просто пришел, чтобы быть вместе с парнями, сэр!» – хороший, трудолюбивый, смелый парень, который погибнет под Соллумом/Sollum (Африка), и о многих других бойцах. В тот момент бой достиг своей кульминации. Позиция, на которой был Таитуха, была смята. Некоторые отступили. Сразу ниже разгорелся бой. Пули и все остальное летели всюду и везде. Хэррисон (Harrison) придерживал резервное отделение. Потом из кустов, слева от меня, вышел Таинуи с винтовкой через на плече, широко улыбаясь. «Кажется, 16-му Взводу приходится тяжело, сэр, – сказал он. – Я спущусь к ним и помогу?» Он ушел в эту адскую мешанину и вместе с другими отогнал противника. Вот это парень! Кто кроме горца или маори может идти в бой с такой радостью?

Отход с позиций в районе перевала Сервия.

Из дневника **Билла Глю:** 17-18 апреля. Быстро двигались ночью – гунны (Huns – одно из прозвищ немцев, принятых у союзников – ВК) сидели у нас на хвосте со своей артиллерией. Рано утром были в окрестностях Лариссы... Прилетел самолет-разведчик гуннов. Страшная пробка. Их самолеты бомбили дорогу, и, когда мы разбежались, они спустились пониже, обстреляли нас и отбомбились по нам. Соседний грузовик загорелся. Меня осыпало комьями земли из соседней воронки... Потерял все свое снаряжение, когда наш грузовик в спешке укатил, оставив половину наших. Нас бомбили и обстреливали время от времени с 2 часов до сумерек, окончательно стемнело почти в 9 вечера. Мы прошли большое расстояние, не останавливаясь во время авианалетов... На перевале были довольно крутые участки. Воссоединился со своей частью, позавтракал кашей и говяжьей тушенкой. Первая нормальная еда за несколько дней. Одолжил бритву, чтобы соскрести четырехдневную щетину... Мы поджигаем грузовики и сбрасываем их вниз

по склону всю дорогу.

Из дневника **Уолли Кимбера**: 17-18 апреля – Был при штабе под рукой у бригадных штабистов большую часть дня, потом занял огневую точку, прикрывающую место посадки на машины. Всю ночь просидел на ней под дождем. Немецкая артиллерия обстреливала главную дорогу ниже нас и склон горы, за которой мы стояли. Большого ущерба они не нанесли, поскольку снаряды падали в речку, текущую ниже нас.

Брюс Маккэй (Bruce McKay), артиллерист, 25-я Новозеландская Батарея: *Нас перебросили на окраины городка Трикала/Trikala (около 40 миль к западу от Лариссы – ВК), который, насколько я понял, относительно недавно пострадал от землетрясения. Мы расположились в оливковых рощах и зарослях кустарника, где замаскировались. На следующее утро, когда рассвело, немцы подвергли Трикалу ожесточенной бомбардировке, они бомбили весь день, но, мы так и не поняли почему, нас они не заметили. Не думаю, что кто-то из нас хотя бы перевел дух в тот день, и вечером мы ушли. Война к тому моменту полыхала вовсю. Дороги были забиты не только беженцами, но и различными воинскими частями: австралийскими, британскими, новозеландскими. Какие-то машины шли в одну сторону, мы – в другую, и путем активного маневрирования и перемещений туда-обратно мы добрались до оборонительной линии, после чего продолжили передвигаться, чтобы выбрать позиции получше. Пушки вели интенсивный огонь, потому что боеприпасов по какой-то причине было полно, и стволы раскалялись почти докрасна из-за непрерывной стрельбы. На этой линии положение стало ухудшаться, и потом нам сказали, что удержать ее будет невозможно, и, вероятно, нам придется эвакуироваться. Ну, началась некоторая суматоха, и нам пришлось в дальнейшем передвигаться по открытым дорогам, большей частью под бомбами и под обстрелами с воздуха, которые наносили нам минимальный ущерб, но наводили страх. На той стадии все наше снаряжение оставалось в целостности и сохранности. Потом*

нам сказали, что нам придется занять оборону, если мы найдем подходящую позицию для этого, и вступить в бой против немецкой пехоты и танков. Их альпийские (вероятно, речь идет о немецких горных стрелках – ВК) части были занозой в горле: казалось, они могли проникнуть куда угодно. Танки не были такой большой проблемой, как можно было ожидать: артиллеристы хорошо наловчились выводить их и строя, особенно тогда, когда те пытались переправиться через реки.

Отступление и эвакуация.

Питер Винтер (Peter Winter, 1919-2004), водитель из Роты Заправки, был одним из последних, кто покинул Лариссу: *Дороги были забиты грузовиками, двигавшимися в сумерках бампер к бамперу под обстрелом и бомбами Люфтваффе. Я вел свою автоцистерну с водой, и мне не нужно было волноваться о людях в кузове... По собственной воле мы стали отбывать с собой продукты из брошенного склада, оказавшегося рядом, и раздавать их усталым и голодным пехотинцам из проезжавших мимо машин. Потом, откуда ни возьмись, появился молодой лейтенант и стал обвинять нас в мародерстве. Мы запротестовали и заметили, что стараемся раздать как можно больше, чтобы все это не попало в руки приближающихся немцев... Офицер вытащил револьвер и взвел курок. Наверное, он хотел получить у немцев «расписку». Мы проигнорировали его, и он ушел восвояси... Был момент, когда нам приказали съехать с дороги, чтобы смягчить ситуацию с затором, при этом у немецкой авиации остались цели получше, чем мы. Всего мы потеряем десять грузовиков, включая мою автоцистерну. Я почти лишился своего напарника, которого не было со мной в тот момент, когда поступил приказ двигаться дальше. Мы потеряли друг друга в неразберихе, но потом встретились в лагере для военнопленных...*

Новозеландцы на привале во время отступления...

Лейтенант Уайлди (Willey), сапер, рассказывает о том, как им приходилось готовиться к подрыву дороги, находясь в отступающей колонне: *Я подготовился к тому, чтобы подорвать скалу в четверти мили ниже по скату от верхней бровки склона, обращенного в ту сторону, откуда наступал противник. Со мной была часть людей из отделения Линделла (Lindell) и сержант Ларсона (Larson). У нас не было бурового оборудования или компрессора, поэтому работали мы вручную и медленно. Дорожное покрытие было 4 дюйма в толщину, под ним был твердый мрамор. У нас не было времени на то, чтобы устраивать подкопы под дорогу, так что я организовал рытье шурфов в центре дорожного полотна и у подножия откоса, чтобы грузовики могли объехать их, пока мы ведем работы. Я попытался одолжить компрессор у лейтенанта Томаса (L.G.*

Thomas), но он был постоянно в работе, и тот пообещал передать его, когда они закончат. Чтобы вырыть наши шурфы, нам приходилось использовать зубила, пробивая шпурсы, заряжая их взрывчаткой и подрывая, а затем выкапывать дробленый материал. Это повторялось несколько раз, пока ямы не достигали 6 футов в глубину, работа была посменной и продолжалась круглые сутки. Нас обстреливали истребители, и было страшно сворачиваться в клубок в шурфе, когда рядом с тобой были сотни килограмм взрывчатки и пока джерри забавлялись. Пока мы закладывали заряды в шурфы, поток машин, идущих бампер в бампер, был настолько плотным, что людям приходилось приседать, пока они проезжали, и продолжать работу тогда, когда возникал просвет...

Леонард Торнтон: *Так, где-то примерно в день рождения Гитлера (20 апреля), который почти совпадает с Днем Анзаков (25 апреля), насколько я помню, было принято решение о том, что мы должны эвакуироваться. Джамбо Уилсон (Jimbo - кличка генерала Уилсона), англичанин, который служил с новозеландцами во время Первой Мировой войны, принял это решение, и оно было правильным, хотя флоту при этом пришлось нелегко. Мы стали отступать на юг настолько быстро, насколько возможно, и за три или четыре дня эвакуация была проведена. Мы, конечно, потеряли большую часть нашего снаряжения во время эвакуации: ничего из тяжелой техники вывезти было нельзя, и это была очень неприятная кампания из-за того, что происходило в воздухе. Мы постоянно были под бомбами и под обстрелом в дневные часы. Слава богу, немецкая авиация мало что могла сделать ночью, и это означало, что ты мог немного поспать, если не был на марше, но это очень негативно сказывалось на морально-психологическом состоянии людей, которые не могли встретить ее огнем. Я вспоминаю многих, у которых слегка сдали нервы, из числа тех, кому приходилось отступать... Мы дошли до пляжей, я, на самом деле, на короткое время остался сзади, потому что вернулся, чтобы найти и прихватить с собой какое-нибудь*

радиооборудование, которое было жаль бросать, хотя и был такой приказ от старшего офицера по эвакуации. Когда я вернулся к пляжу, мой полк уже покинул побережье, что оказалось на удивление удачным поворотом судьбы, так как полк, который теперь получил номер 4, отправился оборонять Крит, а я, попав на другой корабль, попал сразу в Египет и пропустил Критскую кампанию, которая дорого обошлась новозеландцам...

Рекс Томпсон: Со временем началось отступление из Греции, и к югу от Лариссы образовался колоссальный конвой, для него отсыпали дорогу высотой футов 12-14 над плоской окрестной местностью. На дороге застряли, упираясь носом в находившийся впереди грузовик, а немцы бомбили и обстреливали нас, бомбили осколочными бомбами. Мы опять решили, что безопаснее всего укрываться под грузовиком, потому что они бомбили обе обочины дороги этими бомбами, и мы потом поняли, что они, на самом деле, не хотят разрушать мосты или выносить транспортные средства. Пока мы стояли и ждали: мы застряли в этом определенном месте, в небе появился Дорнье/Dornier... Макушки телефонных столбов были лишь чуть выше дорожного полотна, и этот самолет скользил прямо над проводами. Мы просто глазели на него: нам не разрешали открывать огонь по самолетам, потому что так мы могли привлечь к себе внимания большого их количества. Стрелок самолета повернул свою башню и сбросил нам два рулона туалетной бумаги – так они развлекались. С точки зрения того, что было сказано в его адрес, воспринято это было не очень дружелюбно, и потом вспоминалось с юморком. Позднее мы узнали, что парочка австралийцев завтракала дальше от нас на дороге, и именно это застопорило конвой, так что симпатий к этим парням не было никаких... Всю дорогу через Грецию мы снова и снова взрывали подходы к мостам, а немцы бомбили деревни, через которые проходила дорога – она была единственной в тех краях. Так продолжалась большую часть пути, пока мы не были готовы грузиться на корабли.

Эвакуация

Мы направились к пляжу, находившемуся на юге Греции, и в ту же ночь сели на баржу, которая должна была перекинуть нас на эсминец. Однако баржу перенаправили к острову Кеа/Kea, куда мы прибыли утром. На эсминец грузиться было поздно, и нас продержали на острове весь день. Нам пришлось пересечь остров на своих двоих, было нас около сотни. Остров был почти лишенным растительности и довольно холмистым, и нам пришлось перебираться на другой его конец, чтобы нас там подобрали следующей ночью. Все это действовало на нервы, потому что немецкие самолеты регулярно пролетали над нами, и нам приходилось падать брюхом на голую землю, когда видели самолет. Так или иначе, по-видимому, немцы склонялись к тому, чтобы выполнить какое-то конкретное задание, и только об этом и беспокоились. День прошел в объятиях с землей и в пешем марше, в итоге, мы добрались до противоположного конца острова, где нас в ту же ночь подобрали и перебросили на эсминец Kandahar* (командир – Уильям Робсон, на фото слева). Мы думали, что направляемся в Египет, но, по всей видимости, уже во время перехода было решено перебросить нас на Крит на пару дней. Мы перенесли 13 авианалетов по время перехода и получили пару дыр в кормовой части эсминца, по счастью, на самом краю, но сомневаться не приходится: командир корабля хорошо знал свое дело. Он невозмутимо ждал самолета,

потом резко брал лево или право руля так, что вода перехлестывал через палубу по время разворота. Но мы избежали прямых попаданий, тогда как один или два конвоя сильно постра-дали...

Джордж Браун: А потом началось отступление. Мы все еще были под бомбами и прошли через Афины, когда немецкие передовые отряды уже вступили в город. Была поздняя ночь, мы расселись по грузовикам, которые направились в определенную точку. Там нам приказали уничтожить все, кроме личного оружия. Мы изрезали шины наших грузовиков и стали гонять моторы со слитым маслом. Потом пришел приказ остановиться, потому что нам нужно было двигаться куда-то еще. Мы проехали через деревню, и там Рота В нашего батальона понесла самые большие [за все время] потери от пулеметного огня и авиабомб. Немцы, кажется, не вступали в бой в ночное время, так что мы промаршировали к пляжу. Не знаю, сколько миль мы прошли, но дорога показалась мне бесконечной. На пляже мы свалились, чтобы передохнуть, и тут один из моих людей подошел ко мне и сказал: «Сэр, дайте мне вашу флягу: мы нашли склад рома», после чего принес мне флягу, полную выпивки, которую я со временем осушил целиком. Появились каики, которые должны были перекинуть нас на корабль. Я сел на один из них, и сразу после этого услышал чей-то голос, донесшийся до нас с военного корабля – эсминца *Kimberley*: «Поторопитесь, вы там, а то останетесь здесь!».

Ричард Кин: Потом мы узнали, что греки капитулировали, и нас будут эвакуировать. Я разбил топором свой новый мотоцикл *BSA (British Small Arms - в те годы крупная компания – ВК)*. Нам предстояло бросить и наши пушки ... пришлось снять с них затворы... Я закрыл телефонный узел, сел на грузовик и тронулся в путь. В итоге, мы добрались до побережья, где я выбросил в море свой телефонный щит. Наши ранцы тоже полетели в море, туда же бросили упаковки с основным снаряжением... У нас мало что было с собой: у меня был бинокль, противогаз, револьвер,

компас, технический рюкзак и небольшой вещмешок за спиной, шинель. Нам пришлось выбросить свои одеяла, котелки и фляги. Мы добрались до стоявших у берега китобойных судов, но каждый раз, когда я пытался забраться на борт, я срывался вниз. В сумку вместе с противогазом я затолкал две пачки сигарет... После нескольких моих попыток залезть на борт китобоя подошел здоровенный моряк, взял меня за хлястик шинели и затащил на палубу вверх ногами. После этого я больше не увидел свои сигареты. Потом мы по веревочному трапу поднялись на борт эсминца *Kandahar*, где меня приписали к столовой для подофицеров. Вход туда был через люк, находившийся на палубе, и я застрял в отверстии из-за всего этого мелкого барахла, которое было на мне, и следующее, что я помню, - это как башмак какого-то моряка ударил меня по каске, после чего я быстро проскользнул вниз. Одежда на мне была мокрая после того, как пришлось брести по воде к китобою, и моряки сняли ее с меня и отнесли в машинное отделение, а мне выдали флотские брюки и форменку. Потом мою одежду принесли мне сухой. Как хорошо было поесть досыта, проглотить свежие овощи, которые мы не видели уже долгое время. Нас немного бомбили в пути. Я лежал на койке и отдыхал, потом увидел, как борт корабля вдавило вовнутрь, и подумал, что это – не то место, где я хотел бы находиться. Я попытался подняться вверх по судовой шахте, но люк из нее оказался закрытым. Наверху моряки вели огонь из своего Чикагского пианино/*Chicago piano*, и мне пришлось остаться там, где я был, чтобы думать о том, выберусь я оттуда или нет. Однако мы прошли весь путь и добрались до залива Суда на Крите...

Брюс Маккэй: Мы продолжили отступать на юг, ситуация к тому времени приобрела хаотичный характер. Никто толком не знал, что происходит. Мы добрались до окрестностей Афин – не уверен, насколько далеко мы были от самих Афин, – где нам сказали, что мы должны уничтожить наши пушки и машины, потом рассеяться и ждать морской транспорт. Мы сделали пушки бесполезными настолько,

насколько это было возможно, прицелы взяли с собой. На наших машинах были кирки, ими пробивали картер, после чего запускали двигатель и гоняли, пока его заклинивало. Выведя из строя машины, мы переместились на позицию, название которой я не помню. Там было много кустарника, стланика и оливковых деревьев, недалеко от моря. Нам приказали укрыться в этих зарослях, была надежда, что ночью нас подберут. Немецкие самолеты постоянно висели в воздухе, но по какой-то причине они нас не видели, поэтому целый день прошел безо всяких происшествий. Когда стала спускаться темнота, повсюду были разсланы вестовые, чтобы сообщить людям о необходимости быть готовыми к уходу. Люди должны были бросить на месте все лишнее снаряжение, такое как винтовки, противогазы и все прочее. Однако лишь немногие избавились от винтовок... Около трех или четырех часов ночи нам приказали построиться и маршировать к морю. Там нас ждали корабли Королевского флота, у берега были спасательные шлюпки. То, что моряки считали лишним, перед погрузкой на шлюпки бросали в воду. Я попал на [легкий крейсер] Carlisle. Там нас отвели в столовую кочегаров, где эти ребята просто не знали, как нам угодить, наливая нам какао, раздавая нам хлеб и наваливая в миски бобы и все то, что могли найти, поскольку мы не ели целый день. Потом мы вышли в море и взяли курс, как потом оказалось, на Крит. Несколько раз нас бомбили, но Carlisle, будучи крейсером ПВО, выставил мощный барьер зенитного огня, и рядом с нами упали всего три или четыре бомбы. В итоге, мы прибыли в залив Суда, думаю, когда еще не наступили сумерки...

Александр Роджерс: Вся дорога ... оказалась под постоянными бомбежками и обстрелами с воздуха. В итоге, мы погрузились на баржи, которые перевезли нас на военные корабли. Там были эсминцы, крейсера, несколько больших войсковых транспортов. У нас с собой было все снаряжение, наши винтовки и все остальное, мы думали, что нам это все понадобится. К борту крейсера ПВО нас доставило греческое судно, я все еще тащил на себе пулемет, свой Льюис/Lewis, и

морьяк, который был на судне, сказал: «Куда ты с этим собрался?» Я говорю: «На борт корабля, может, он мне еще понадобится.» Он ответил: «Вот что, или ты, или оружие. Дай-ка мне его». Я отдал ему пулемет, и он швырнул его за борт, сказав: «На борту для него места нет». Мы забрались на крейсер и тронулись в путь. В конвое, должно быть, был десяток кораблей и большой войсковой транспорт. На полпути к Криту мы увидели на расстоянии самолеты. Мы были на палубе, нас было человек 200 или 300, и мы сказали: «Боже мой, нам все это не нравится.» Мы уже видели слишком много самолетов к тому времени. Кто-то сказал, что это британцы, которые летят в качестве сопровождения. Ну, они в нас не попали, но их бомба вырвала кусок борта длиной футов 50 прямо над ватерлинией. Мы выбрались оттуда, но войсковой транспорт получил прямое попадание и ушел под воду, еще пару кораблей зацепило.

Кеннет Фрэйтер. Кеннет Фрэйтер был одним и небольшого числа водителей, которые добровольно вызвались сделать рейс на север, чтобы вывезти оттуда в район Афин для дальнейшей эвакуации людей, оборонявших Фермопильскую линию: Около 09.30 24 апреля выехали на север. Я думал, что удачно схитрил, выехав последним из леса. Я предполагал, что каждому грузовику придется развернуться, и я буду первым, кто тронется в обратный путь. Увы, это были только планы! Я не знал, что там будет петля для разворота назад и что я окажусь в хвосте колонны. Немного после 10 вечера до нас донесся топот ног, и вскоре после этого первый грузовик тронулся с места. Около 11 вечера, когда передо мной оставался только один грузовик, подошли еще солдаты и забрались в этот грузовик. Ко мне приблизился сержант и сказал: «Тебе придется подождать: скоро здесь появится лейтенант Весни.» Много времени прошло – по меньшей мере, минут 15, которые я просидел черт знает где в полной темноте, чувствуя себя ужасно одиноко, после чего ощутил какое-то движение в кузове машины. Потом открылась дверца с пассажирской стороны, и я услышал голос: «Оставайтесь на месте – люди

залезают в кузов. Меня зовут Артур Весни** (на фото справа).» Я услышал, как кто-то хлопнул по крыше кабины и сказал: «Все в порядке, трогай.» Я спросил: «Вы из команды Все в Черном?/Are you the All Black***?» Он ответил: «Да. А сейчас я хочу немного вздремнуть». Вести машину с выключенными фарами – дело утомительное. Ты ничего не видишь через лобовое стекло и вынужден высовывать голову из бокового, от чего устаешь. Некоторые из шоферов выбили свои лобовые стекла, но это означало, что ты мерзнешь сверху донизу, а не только твоя голова. Так или иначе, самая большая скорость при этом была не больше 10 миль в час, от чего мотор перегревался. Днем мы проехали около 60 миль и, только что проехав через дорожную выемку на вершине гряды в нескольких милях к югу от Марафона/ Marathon, снова спустились на ровное место, где мне сказали, чтобы я съехал в сторону от дороги, в заросли деревьев и кустарника. Лейтенант Весни и его люди вскарабкались на холм и пробыли там какое-то время, наблюдая за дорогой к северу от нас, высматривая противника. Я подумал, что наступил хороший момент, чтобы поменять носки и перекусить. Когда я забрался в кузов грузовика, я обнаружил, что мой ящик с продуктами пуст, кроме того, кто-то спер мои чистые носки и нижнее белье. Вот неблагодарные черти! Часа через полтора эти 20 парней вернулись... Я сказал им: «Вы – шайка неблагодарных ублюдков, вы стащили мою еду и одежду, и за это надо было вас бросить здесь и уехать.» Артур Весни сказал им: «Кто это сделал – кто может что-то сказать по этому поводу?» Никто не произнес ни слова. Он говорит: «Хорошо, тогда поехали». Когда мы тронулись в путь, он сказал мне, как он сожалеет о том, что ко мне проявили такое отношение, но эти люди ничего не ели целые сутки. Я был настроен очень враждебно по отношению к этим парням, и целых четыре после этого должен был терпеть их в качестве пассажиров. Мы объехали залив, в котором на якоре стояли два эсминца. Мне было интересно, возьмут ли они нас на борт, но мы продолжили свой путь и проехали через Коринф сразу после 10 утра 25 апреля. Проехав через город, мы только-только

выехали на шоссе, как нас остановил вестовой. В районе [Коринфского] канала высаживались парашютисты, и мы получили приказ поворачивать назад. Когда мы снова оказались в городе, мне сказали свернуть в узкий переулок и ждать. Мои пассажиры покинули машину, и я остался сам по себе сторожить грузовик. Еще один грузовик остановился позади меня, и его пассажиры прыгнули на землю. Было хорошо оказаться в компании с кем-то. Эта машина, по-видимому, была примерно в 10 милях к югу от Коринфа, когда их развернули. В воздухе кипела активность, и от этого было довольно страшно. Мы не могли видеть, что происходит, но видели сотни самолетов, проплывающих над нами...

Лейтенант Келсолл (Kelsall), сапер, описывает в своем дневнике события, связанные с высадкой воздушного десанта немцев в районе Коринфского моста: 05.30. Услышал шум стрельбы и сообщение часового о том, парашютисты высаживаются на волнистый участок местности к востоку от нас. Ошарашен. Начал организовывать оборону в саду, [где мы расположились]: 1-е и 3-е отделения вдоль линий, идущих с севера на юг и обращенных на восток и юг. Штабная секция прикрывает нас с юго-запада. Мы не можем видеть мост сквозь деревья, но и нас, вероятно, не видно со стороны в этом саду. Парашютисты прыгают с высоты примерно 500 футов (150 м), а истребители проносятся над кронами высоких сосен, растущих по краям сада. Через открытые двери даже видно, что происходит в самолетах. Поскольку мои люди не прошли пехотную подготовку, я сказал командирам отделений набрать боеприпасов и не открывать огонь, пока противник не окажется, по меньшей мере, в 400 футах (120 м) от нас. Парни из 3-го Отделения слишком нетерпеливы и, должно быть, начали стрелять с расстояния 800 футов (240 м), наверное, они дали противнику понять, где мы находимся... В 06.50 раздался мощный взрыв, и мне показалось, что мост взлетел на воздух... Шоу началось со стрельбы из автоматического оружия, а когда наше сопротивление усилилось, в бой вступили минометы...09.00. решил

сделать перерыв, приказал скинуть с грузовиков все снаряжение, чтобы на скорости уйти на юг. Забрался на дерево ... и увидел, к своему ужасу, горящие танки 4-го [Полка Гусар] – по меньшей мере, три (люди бежали к ним, а потом, думаю, их подстрелили) и пулеметные бронетранспортеры на открытой местности. Мессершмитты разбираются с ними весьма эффективно: дорога здесь исключительно прямая и является идеальным местом для обстрела [с воздуха]. Решил остаться на месте с шестиколесными 1.5-тонными грузовиками Morris и продолжать бой...13.00. Осталось совсем мало боеприпасов – с участком, где мост, никакой связи. Решил прорываться отсюда с остатками роты – 140 человек. Мы разделились на небольшие группы (подофицер и 6 солдат) и будем прорываться к побережью. 14.30. Решил отдать приказ трогаться в путь.

Кеннет Фрэйтер: Около полудня [25 апреля] стихло, и вскоре после этого мои пассажиры вернулись. Тогда я сообразил, что офицером в другом грузовике был полковник Расти Пэйдж**** (James Russell Page, 1908 – 1985, на фото слева), также из All Blacks, командир 26-го Батальона. Мы дали водителю второго грузовика несколько минут, чтобы завести машину, и тронулись в путь. В паре случаев я видел самолеты, пикирующие в нашем направлении, и то, как на дороге поднимались фонтанчики пыли от пулеметных очередей. Каждый раз я останавливался, чтобы выпрыгнуть из кабины, но Весни заставлял меня ехать дальше... Я уже начал сильно недолюбливать Люфтваффе. Каждый раз, проезжая через бугор или холм, мы останавливались, и парни выбирались из машины, чтобы осмотреться... Во время одной из остановок, которая случилась в деревне, я услышал, как кудахчет курица. Я сиганул через глинобитный забор и нашел гнездо с тремя яйцами в нем. Поскольку я не ел почти 48 часов, я решил высосать их, и, скажу вам, ребята, это было вкусно! Проезжая через перевал Аргос/Argos, мы остановились уже на рассвете и съехали в сторону. Мои пассажиры, как всегда, исчезли, и я снова остался сам по себе. Это было прекрасное солнечное утро, и я, держа винтовку в руках, лег вздремнуть рядом

с передним колесом своего грузовика. Проснулся я около полудня, наполнил свою флягу в небольшом соседнем ручье, залил в бак последний запас бензина, после чего решил побриться у ручья. Я полез за своим небольшим вещмешком, в котором была бритва и который лежал под водительским сиденьем, я обнаружил, что кто-то спер его, пока я спал. Теперь у меня не было ничего, кроме грузовика, который, в любом случае, принадлежал армии, винтовки, одежды, которая была на мне, и тем, что было в карманах. После полудня пехотинцы вернулись, и мы продолжили путешествие через гористую местность. По дороге мы видели множество брошенных и сгоревших грузовиков, но мы добрались до места в целостности и сохранности, чтобы занять позиции в районе Триполиса/Tripolis. Я, как обычно, сидел и ждал, припарковавшись у аэродрома, который был основательно раздолбан немецкой авиацией. Неподалеку, в канаве, я обнаружил брошенный пикап, обшарил машину и нашел большую банку зеленого горошка. Я не мог поверить своей удаче! Открыл банку карманным ножом, выпил жидкость и затолкал горошек себе в горло. Вкус его был восхитительным. Через 15 минут у меня по щиколоткам уже текла зеленая жидкость, которую изверг мой кишечник...На следующее утро мы проехали через Спарту, и мои пассажиры стали дожидаться следующего утра, 29 апреля. Мы тронулись в путь на рассвете. Старый Бедфорд/Bedford теперь ехал на пяти цилиндрах. Мой человеческий груз за ночь вырос с 20 человек до более чем 40 – более 4 тонн на 3-хтонном грузовике. Машина все еще ехал неплохо на спусках, но на подъемах я оставлял ее на низкой передаче... Дорога стала поровнее, и где-то в миле от моря мне приказали съехать в оливковую рощу. Весни поблагодарил меня за хорошую работу, остальные не сказали ни слова... Припарковавшись под оливковым деревом, я огляделся и увидел с десятков грузовиков в этой роще. Это было все, что осталось от тех 30, с которыми я недавно тронулся в путь. Днем нас догнал один из наших офицеров. На закате мы подогнали машины к бровке клифа. Потом мы слили масло, погоняли двигатели, пока их не заклинило, и столкнули грузовики

вниз. Когда стемнело, мы спустились к пляжу и сидели там несколько часов... В итоге, около полуночи к берегу подошли несколько гребных шлюпок, в которые быстро стал грузиться народ. Было около 2 часов ночи, когда подошла наша очередь. Через несколько минут мы уже были рядом с греческим рыбацким судном. Когда одноцилиндровый двигатель завелся, на его борту было около сотни человек. Минуту через 10 мы были уже там, где на якоре стояли эсминцы *Isis* и *Hotspur*. Мы погрузились на *Hotspur*, где мне дали кружку какао. Крепко держа в руках винтовку - последнее, что у меня оставалось, я заснул на стальной палубе. Это был последний акт организованной эвакуации, хотя, насколько я знаю, крейсер *Аях* подобрал генерала уже в 4 утра.

Thurland Castle на пути в *Egynet*...

Часов в 9-10 30 апреля я проснулся из-за того, что по трансляции нам приказали собраться на палубе. Мы находились в заливе, который, как кто-то решил, был критским заливом Ханья. Мы пришвартовались рядом со старым транспортом *Thurland Castle* и быстро перебрались на него. В заливе было много потопленных кораблей. Тут случился авианалет, рядом с несколькими кораблями упали бомбы, но нас оставили в покое, хотя на нашем судне были видны следы прошлых обстрелов с воздуха. Офицер Корпуса Армейского Обслуживания предложил вернуть нас в наши части, которые теперь были на Крите, но полковник Пэйдж сказал, что мы останемся под его началом, пока он не получит противоположный приказ.

Ура Расту Пэйджу! Мы отплыли около полудня. В конвое было три войсковых транспорта с уцелевшими людьми из 6-й Бригады и всяким сбродом типа нас на борту. Транспорты шли один за другим, по обе стороны от нас были военные корабли, вероятно, большая часть из того, что осталось от Средиземноморского флота. Они были с нами, пока мы не оказались за пределами досягаемости Люфтваффе, однако целых 24 часа они были под атаками немецких самолетов. По счастью, немцы гонялись за военными кораблями и не трогали нас. 2 мая мы прибыли в Порт-Саид...

В последнем бою союзников на земле Греции приняли участие новозеландцы. Это было в порту Каламата/*Kalamata* на юге страны.

Среди тех, кто сражался до последнего, был сержант-новозеландец **Джон Хинтон (John Hinton, 1909-1997)**. Позднее он попал в плен и оказался в списках пропавших без вести. Несколько месяцев спустя, уже в лагере для военнопленных, он узнал о том, что был награжден *Крестом Виктории*. Ленточку к ордену ему вручил немецкий генерал на общем построении военнопленных, сам Хинтон успел к тому времени совершить несколько попыток бежать из лагеря. В представлении к награде, опубликованном в *London Gazette* 14 октября 1941 года, можно было прочесть следующее: *В ночь с 28 на 29 апреля 1941 года, в ходе боев в Греции, колонна немецкой бронетехники, в которой находились несколько бронемашин, двухдюймовые пушки, трехдюймовые минометы и две шестидюймовые пушки, стремительно атаковала большую группу британцев и новозеландцев, ожидавших погрузки на корабли. Когда части получили приказ отступить в укрытия, сержант Хинтон, выкрикивая «К черту все это, кто со мной?», пробежал несколько ярдов по направлению к ближайшей [немецкой] пушке. Она выстрелила, не попала в него, после чего он бросил две гранаты, уничтожившие расчет. Затем он со штыком наперевес последовал за группой новозеландцев. Немцы бросили шестидюймовую пушку и отступили в два ближайших дома. Сержант Хинтон разбил окно, выбил*

дверь первого дома и заколол с находившихся в нем штыком. Он повторил то же самое во втором доме и, пока не прибыли превосходящие в численности немцы, новозеландцы удерживали [вражеские] пушки. Потом сержант Хинтон был ранен пулей в низ живота и попал в плен. Это был едва ли не последний боевой эпизод Греческой кампании...

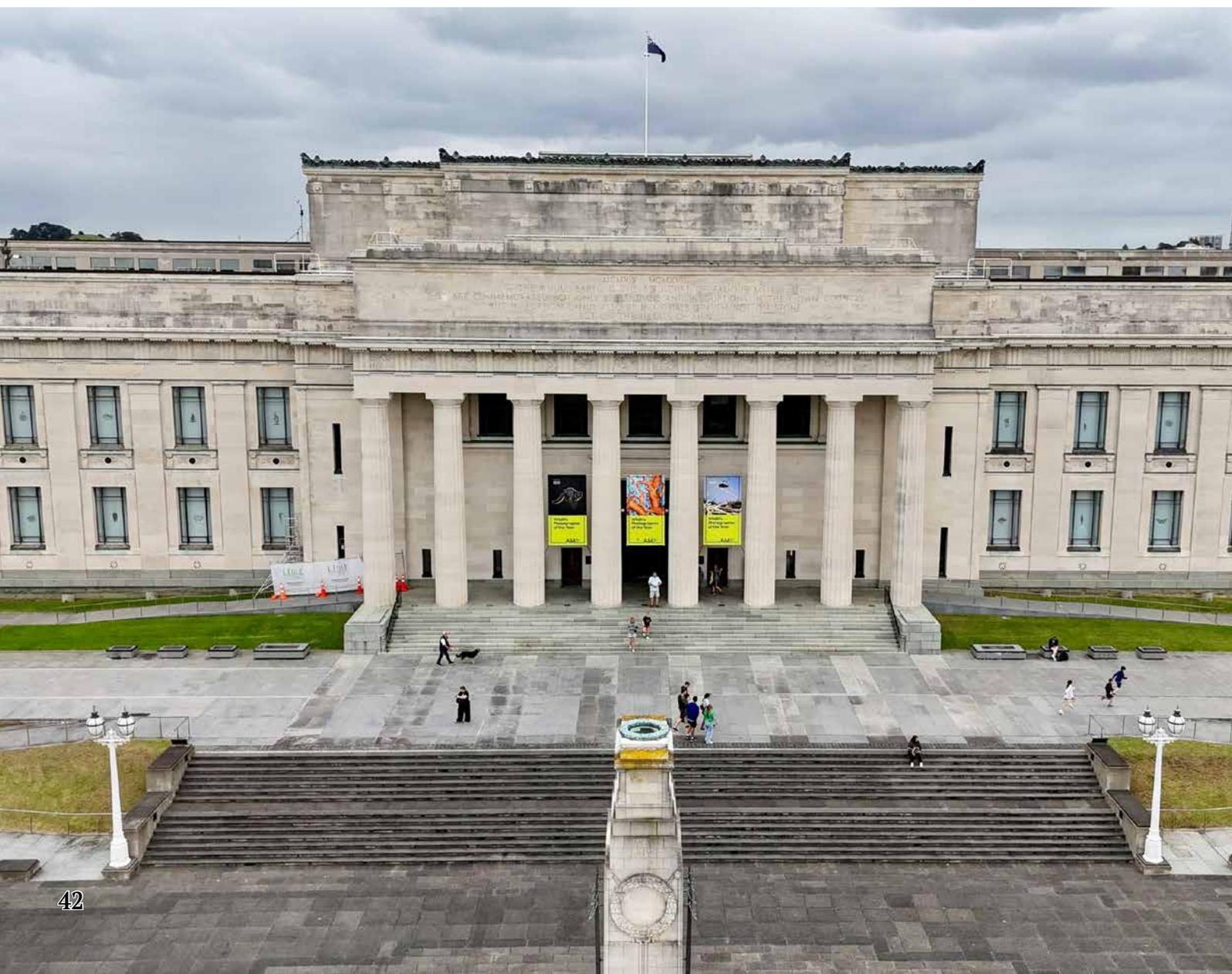
Эпилог.

Бернард Фрейберг, комментарий к одному из писем, написанных в 1949 году: *Хоть мы и были крепкими ребятами, с нами никто не проконсультировался ни по одному из детальных аспектов планирования Греческой кампании. При этом, когда мы прибыли туда, перед нами была поставлена невыполнимая задача..., а когда все стало рассыпаться в прах, нам пришлось взять на себя весь груз принятия*

дрянных решений и отсутствия нормальной штабной работы. Ховард Киппенбергер, во время Греческой кампании – командир 20-го Батальона: Монтгомери сказал мне: «Мы вступили в Италию, не имея плана». За три с половиной года до этого мы отправились в Грецию, не имея плана... Никакие соображения не должны перевешивать военные соображения, когда предлагается начать [какую-либо] кампанию, в противном случае, вас ждет провал и поражение.

Во время Греческой кампании потери новозеландцев составили 261 человека убитыми, 1 856 попавшими в плен и 387 ранеными. Впереди был Крит...

**Перевод и компиляция – Владимир Крупник,
Перт, Австралия**

Материалы рубрики не редактируются – это авторские тексты

Знакомьтесь. У нас новый автор. Светлана Бедункевич из г.Астаны, Казахстан. Автор имеет более десятка опубликованных книг; пишет сказки и стихи. Публикует свои произведения на «Стихи.ру», «Проза.ру», «Поэмбук», «Изба-читальня» и многих других платформах; замечена критиками, удостоившими ее произведения своими материалами в литературных журналах «Новая литература» и «Печерин.нет».

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ СИЛА СЛОВ: ПОЛЬЗА НАПИСАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ

Написание стихотворений – это не только творческий процесс, но и мощное средство самовыражения и самоисцеления. С течением времени многие люди открыли для себя терапевтическую ценность поэзии. В данной статье я хочу поделиться своим опытом.

Я не люблю жаловаться на свои проблемы, а поход к психологу для меня просто за грань выходящее. Данный феномен наблюдается у большинства взрослых людей, выросших в постсоветских странах. Работать всегда и везде, не обращая внимание на свое состояние, работать и терпеть: на нелюбимой работе, так как больше никуда не возьмут; выполняя домашние обязательства, претерпевая жесточайшую депрессию, так как ты женщина и ты обязана; быть жертвой в отношениях, потому что у тебя же дети, и это мы говорим только о нескольких эпизодах в жизни женщины. Мужчины испытывают тоже колоссальный стресс, многие из них находят утешение в самом простом антидепрессанте -алкоголе. При чем тут стихотворения?

Конечно, как и все, я тоже столкнулась с первой сильной депрессией - для меня это был развод. Будучи человеком закрытым, мне приходилось вариться в обжигающей психологической «лаве». Однажды вечером, сидя на кухне в своей «сталинке», устав плакать, я просто пошла в комнату, открыла сумку, достала ручку и блокнот, который когда-то купила в «Читай городе» за 50 рублей, и начала писать все что чувствую. Вся боль и переживания выходила из меня нескончаемым потоком. Так, за один вечер

я исписала этот блокнот от корки до корки и на этом я не остановилась. Я решила придать чувствам форму.

Вы не представляете, как мне помогло подобное лечение! Уже через месяц, я спокойно перечитывала свои произведения спокойно и на моём лице если и были слёзы, то уже не от печали, а от радости за своё детище! Так был положен фундамент в мою карьеру писателя.

Стихотворения, как и все виды письменного творчества, еще более прекрасны, когда несут в себе чувства, весь спектр, всю палитру эмоций автора. Почему написание стихов оказало положительное воздействие на мою эмоциональное и психическое благополучие?

Выражение эмоций:

Написание стихов является уникальным способом выражения глубоких эмоций. Стихи позволяют человеку переносить свои переживания в метафорическую форму, что помогает освободиться от тяжести негативных чувств. Слова стихов могут стать мостом между внутренним миром автора и внешним миром, где эмоции приобретают форму и становятся более управляемыми.

Самовыражение и самопознание:

Написание стихов способствует самовыражению и самопознанию. В процессе поиска подходящих слов и формулирования мыслей автор не только делится своим опытом, но и более глубоко погружается в собственные мысли и чувства. Это процесс самопознания, который может привести к новым открытиям о самом себе.

Снятие стресса и негативных переживаний:

Написание стихотворений – это отличный способ снять стресс и переживания, ассоциированные с повседневными трудностями. Погружение в творчество помогает создать своеобразный мир умиротворения, где автор

может на короткое время уйти от забот и сосредоточиться на красоте и гармонии слов.

Развитие творческого мышления:

Написание стихов стимулирует творческое мышление. Подбор рифм, создание образов, игра с языком – все это развивает креативный потенциал человека. Это не только улучшает навыки написания, но и способствует развитию гибкости ума.

Создание личной истории:

Стихотворения могут стать важной частью личной истории. Они фиксируют моменты в жизни, эмоции, взгляды и размышления, создавая своеобразный хронологический портрет автора. Это драгоценный ресурс для саморефлексии и взгляда на свой жизненный путь.

В заключение хочу сказать: написание стихотворений – это не только форма искусства, но и средство личной терапии. Этот процесс позволяет выразить эмоции, исследовать собственные мысли, снять стресс и развивать творческий потенциал. В мире быстрого темпа и постоянных вызовов написание стихов может стать ценным инструментом для укрепления душевного здоровья и обогащения личной жизни.

Пишите! Творите! Дайте возможность вашим чувствам выйти наружу!

Светлана Бедункевич, Астана, Казахстан

**Заверенные переводы:
русский, английский,
быстро и качественно**

Елена Наумова
РН: (09) 521 5589; 021 112 1222
E: lenanton@gmail.com

МИФЫ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ. ПАПИРОСЫ КАЛИБРА 7,62

(продолжение. Из книги “Мифы, легенды и курьезы Сталинской эпохи”)

В наши дни большинство людей уже не помнят, что в Советском Союзе папиросы «Беломорканал» были такой же неотъемлемой частью ежедневной реальности, как хлеб и батоны без индивидуальной упаковки, молоко в стеклянных бутылках или всего два телевизионных канала в любой точке необъятной страны, которые старшее поколение до сих пор по привычке называет «Первый» и «Второй».

То есть продавались папиросы «Беломорканал» буквально везде и курили их (как, впрочем, и еще несколько чуть менее известных марок папирос) несравненно больше, чем сигареты. Иными словами, «Беломор» курил постоянно или раз от разу буквально каждый первый курильщик Советского Союза.

Название самой известной марке советских папирос было дано в честь Беломорско-Балтийского канала имени Сталина (или сокращённо — Беломорканала), который был построен в 1931-1933 годах в рекордно короткий срок. Сам же рекорд был установлен, как и многое в нашей многострадальной отчизне, силами (и жизнями) заключенных Белбалтлага...

Тем не менее, мало кто помнит или даже знает о том, что в своё время, в стране, где, начиная со Сталинской индустриализации 1929-1941г.г. буквально любое производство полностью или частично было «заточено» на военные или околовоеенные цели, ходили упорные слухи, что любую фабрику, на которой производились папиросы, более того, любой станок, выпускавший папиросные бумажные мундштуки (они же — бумажные гильзы) можно было быстро перенастроить на выпуск патронов.

Очевидно, что «миф», родившийся в недрах «глубинного народа», учитывал только два основных фактора в папиросном производстве (по аналогии с прокрустовым ложем, полностью отменяя всё, что не вписывалось в стройную уже «теорию заговора», как любят выражаться в наши дни специалисты по раскрытию тайных замыслов «Зловещего Мирowego Закулисья»).

Первый фактор состоял в том, что бумажные мундштуки для папирос чаще всего называли «гильзами», что подсознательно рождало образ патронов в головах «знающих людей» с высшим телевизионным образованием.

Второй же фактор состоял в том, что диаметр папиросных гильз был 7,62 мм, как и самый распространённый в мире диаметр винтовочного или пулемётного патрона.

Увы, на этом «сходства» заканчивались, что, впрочем, как упомянуто выше, не мешало любителям «вселенских заговоров» оставаться при своем мнении, игнорируя остальные и более «полновесные» факты.

Дело в том, что диаметр гильзы советского винтовочного патрона 7,62×39 мм фактически равен 7,85 мм, а диаметр его донца составляет ровные 10,00 мм. Помимо же «вводящей в заблуждение знающих людей» цифры «7,62», все остальные части патрона имеют уже совершенно другие диаметры. Тем более, производство любого типа пуль вообще не имеет ничего общего с производством папирос. Но, даже если предположить, что на «папиросном производстве» делались только гильзы, которые затем отправлялись в некие «пульные производства» или сборочные цеха, где производились готовые патроны, теория эта также трещит по швам. Поскольку в советской системе производственных циклов (несмотря на многие недостатки) готовое изделие любого типа предпочитали делать на едином производстве, а не тратить ресурсы на бессмысленную логистику (перемещение и хранение по всей необъятной стране отдельных компонентов).

Фактически, же любители советских «мифов и легенд», как и «теорий заговоров» упустили (или предпочли не замечать) самого простого и логичного объяснения. Дело в том, что совпадение «калибров» патронов и сигарет объясняется более, чем элементарно.

Размер 7,62 мм обусловлен тем, что в английской системе мер и весов, а именно неметрической системе измерения, данный размер обозначается более, чем «круглым» числом 0,3 дюйма или 3/10 дюйма.

Для полноты картины стоит сказать, что диаметр мундштуков для папирос (они же - «гильзы») всё-таки немного отличался от патронного. Отечественные папиросы выпускались тремя основными диаметрами, а именно: 7,2 мм, 8,2 мм и 8,8 мм.

Также очевидно, что пресловутый размер 7,62 пришел в Российскую империю с английским оборудованием задолго до Октябрьской революции 1917г., потому и «закрепился» в массовом сознании в том виде, в котором в наши дни уже никак «не режет слух».

Стоит добавить, что 0,3 дюйма в военном деле значило 3 линии (измерение по полям или промежуткам между нарезками). И изначально даже в Российской империи он назывался трёхлинейным, откуда пошло и традиционно-привычное наименование знаменитой винтовки Мосина — «трёхлинейка» или более официально — трёхлинейная винтовка образца 1891 года).

Возвращаясь же к папиросам, можно сказать, что они являются ноу-хау или изделием типично российского происхождения. А, точнее, «вышли родом» из Российской империи. (Данный факт — на заметку «квасным» патриотам, которые любят гордиться всем отечественным, в то же время по какой-то неведомой причине упорно отделяя себя от остальной мировой культуры и общего развития человеческой цивилизации, а то и прямо противопоставляя себя всему остальному миру).

Хотя, судя по тому, что справочники и энциклопедии, ссылаясь на папиросы, ненавязчиво подчеркивают, что папиросы появились из тех «недр» Российской империи, которые в настоящее время являются уже давно независимой и суверенной Польшей, буря «патриотических» чувств может несколько поутихнуть.

Дело в том, что сам термин «папироса» был польским и звучал, как «papieros». Образовавшись от польского слова papier (что значит «бумага») и окончания «os», вероятно отсылающего к испанскому слову во множественном числе «cigarros», то есть «сигары».

Что касается первых официально зарегистрированных упоминаний о папиросах, то относятся они к 1844 году.

Само же табачное изделие в его классической форме (делавшееся тогда из настоящего табака, а не из «облагороженных» химических составов, как в настоящее время) наибольшее распространение получило начиная со второй половины 19-го века и более ста лет было самым распространенным у курильщиков, не претерпев внешне никаких явных изменений.

Однако со второй половины 20-го века в моду всё больше стали входить сигареты с фильтром и вытеснять классические папиросы.

Но для «глубинного советского народа» папиросы оставались любимым «средством» курения вплоть до развала СССР и полного упадка «папиросной отрасли»...

Что же касается легенды о том, что, начиная со Сталинской индустриализации папиросное производство можно легко перестроить на выпуск гильз для патронов, то является она не более, чем распространённым и до сих пор будоражающим воображением «знающих людей» мифом...

Игорь Альмечитов, Воронеж

В ОГОРОДЕ

Жаркий летний день. По пыльной дорожке, протянувшейся между грядками с овощами и рабатками с цветами, топает босая девочка. Впереди себя девочка везёт колясочку с куклой. И на девочке и на кукле повязаны белые платочки.

Девочка на ходу покачивает колясочку с куклой, убаюкивая своё «дитё». При этом «мама» приговаривает нараспев: «Наша Танечка заснёт. Мы найдём с нею тенёк. Мы найдём с нею тенёк. Наша Танечка уснёт!».

Они остановились возле высокого чучела. Огородным пугалом наряжен бывший манекен. На него надета старая шинель железнодорожника, на голове нахлобучена соломенная шляпа с широкими полями. Шляпа надета глубоко, по самые глаза, видимо. Руки у чучела раскинуты врозь, а чтобы подстраховать шарнирные сочленения рук и тела, через потёртые рукава шинели протянута палка.

Солнце ещё не в самом зените, полдень пока не наступил. Поэтому чучело откидывает обширную тень. Вот в этой богатой тени, усевшись прямо на цветочный бордюр, устроилась девочка со своей куклой.

Вокруг жужжали трудолюбивые шмели, не в силах улететь от ароматных цветов. Разноцветные бабочки порхали здесь же, дирижируя своими нежными крылышками стрекотанием кузнечиков. Воздух вокруг густо наполнен ароматами душицы и табака.

Нега обволокла девочку и она уснула. Но проспала она недолго. Минут через двадцать знакомый крик ворвался в её сонный мир: «Лизка! Где ты, чёртова девка? Почему ты ушла и ничего не сказала? Лизка!».

Девочка встрепенулась и, ещё не стряхнув окончательно остатки сна, помчалась на зов бабушки, оставив своё хозяйство возле пугала.

Если в огороде больше никакого шума не будет, то мы с Вами услышим такой разговор

между нарядной куколкой и одетым в старьё манекеном.

- Первый раз Вас вижу, а такое впечатление, что не в первый, - удивление было на личике куклы.

- Так это и не мудрено. В прошлой жизни мы были хорошо знакомы!

- Как же это? – удивление куклы росло.

- Так мы же в одном цеху были отлиты из полиуретана. И это ещё не всё, - чучело многозначительно улыбнулось. – Мы ведь в одной витрине долго стояли. Вернее, я стояла в прекрасном фиолетовом вечернем платье, а потом – в чудесном летнем сарафане, а ты сидела. По – моему, в этой же коляске. От окна, помню, очень там дуло! Очень!

- Ах, да! Да! Да! Вспомнила Вас. Как я могла забыть?

- Просто я сейчас не в том наряде!

- Да, тесен мир, тесен! А как же Вы так, извините, так опустили? И Вы как – то внезапно исчезли с витрины.

- Видишь ли, - голос у чучела стал грустным. Никто не покупал там платья и радостные сарафаны. Кому они нужны в рабочем посёлке? Вот директор магазина меня однажды раздел и голый выставил за дверь в магазинном дворе. Представляешь себе весь этот ужас? А нынешний хозяин проезжал на велосипеде, увидел меня и забрал.

- Надо же, как в жизни бывает? Было всем, а стало ничем!

- Если бы ты знала, что я по пути сюда

выдержала? Везут меня на велосипеде, на раме. Хозяин сзади. Я спереди. От каждого встречного обязательно ему вопрос или совет. Типа:

- Это вместо бабки, что ли?

- Ловкач! Немую вместо говорливой взял! Или, может, старую на молодую сменил? Где это обменный пункт?

- Митрич, а ты, видать, гаремщик!

Тут стайка воробьёв села прямо на плечи пугала. Посидели, почикали и стремглав

все сразу прыснули куда – то в пышную зелень сада.

- Ничего не боятся, гады! Вот моё предназначение теперь – отпугивать птиц! А им хоть бы что! О себе то, хоть, расскажи, – обратилось чучело к кукле.

- А я что? К витрине дети подходят. Вот однажды Лизка с дедом подошли. И потребовала меня с витрины! Моя стезя - радость детям дарить! Это я и делаю! Вон за мной уже хозяйка несётся.

Валерий Бохов, Москва

АНГЕЛ ПИШЕТ СВЕТОМ

Эссе о живописце Александре Копейко

Совместимость живописца с миром не всегда 100 процентная. Некоторые владеющие кистью личности просто не могут установить этот контакт, иные устанавливают, но не могут поддерживать сколько-нибудь продолжительное время, а другие просто ведут себя прямо таки по-хамски по отношению к миру и живущим в нем - уходя и приходя по-английски, полностью игнорируя чувства и потребности окружающих.

И на все возможные упреки у них будет готов ответ: «А я так живу!». Онегин жил анахоретом, то есть отшельником, являясь при этом образцом лондонского денди, точнее московского.

Я встречала таких художников. Стиль их жизни был прямо противоположен стилю их работы. В творчестве они гении, неутомимые и страстные, могущие по 24 часа в сутки стоять с фотокамерой, без сна и еды переписывать картину, ища нужный ракурс и нужную краску, рисовать и снова стирать, и снова смешивать краски и писать, писать до изнеможения, до конца, до готовности.

Процесс творчества - штука сложная, и анализу не подвластная. Мы судим живописца всегда по его работам, никогда - по личности и стилю его жизни. И это я считаю правильно, правомерно.

Живописец Александр Копейко, выпускник

знаменитого Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова, в 1998 году пишет картину «Время тишины», которая была его дипломной работой, и сразу завоёвывает славу. Картина была удостоена серебряной медали Министерства культуры, Александр получил грант и вскоре ее купил знаменитый американский галерейщик Джеймс Ярош и увез к себе в Холмдел, штат Нью Джерси в США. Там она и висит в настоящее время и радуется наших американских друзей.

Надо сказать, что большинство картин художника Копейко осело в галереях

Америки, немного есть и в Европе, некоторые картины еще остались в России.

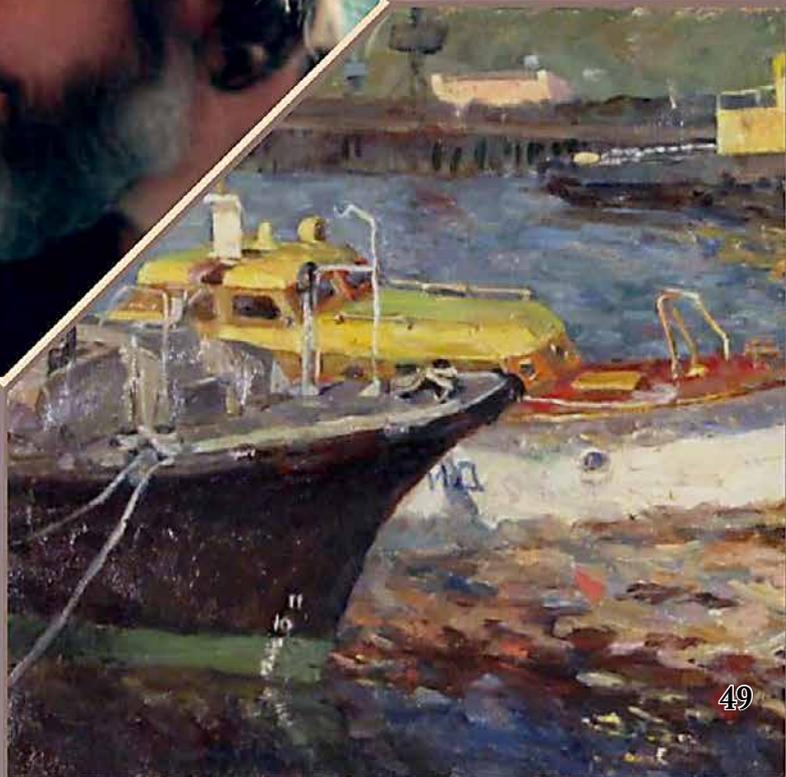
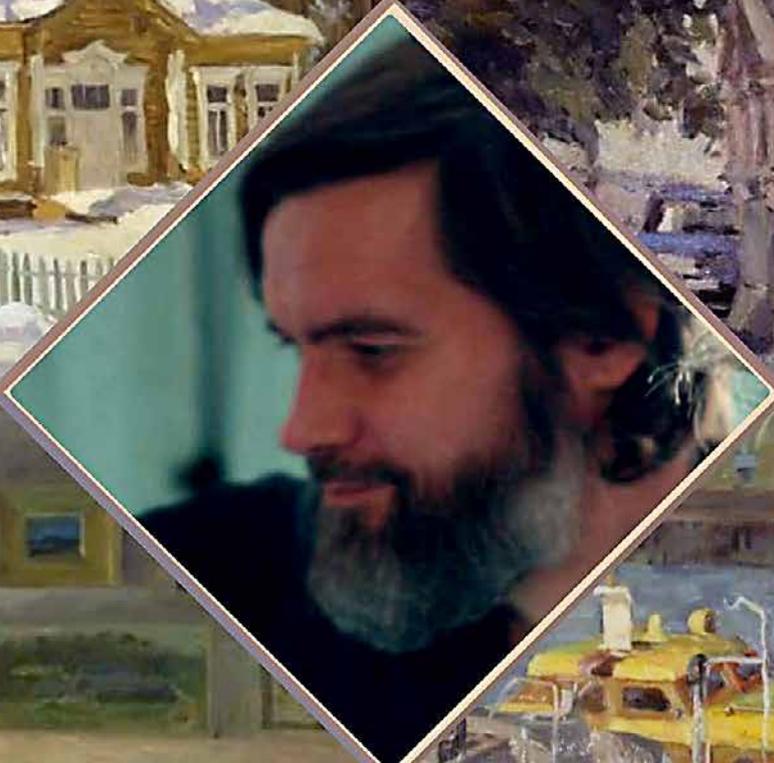
Если мы откроем сайт www.Arthive.com или www.ArtLib.ru, то попадём в мир художников и ценителей искусства, в море красок, настроений, портретов и пейзажей... И вдруг

Он, Живописец. Классическая композиция, мягкие переходы цвета, и всегда настроение, эмоции, я бы даже сказала чувства.

«Сараи» одна из любимых моих работ. Помню, написала отзыв о ней внутри сайта, подчеркнув достоверность: «Сильная яркая зелень. Все заросло. И только закатное оранжевое солнце наполняет душу теплом». Сараи на его картине настолько похожи на сараи из моего детства, и я задумалась, а может он действительно там был, в Калужской области,

где до сих пор осталось три дома от моей деревни. И снова мистическое ощущение присутствия. Как будто и я тоже там где-то на картине спрятана. Мой поэтический отзыв вызвал шквал негодования... непонятно почему.

Я никого не зову в свою вкусовую компанию. Тем более, не хочу делиться тайной и критериями своих оценок. Мои любимые у Копейко это: «Голубая машинка», потому что как будто я там была и стояла рядом,

чувство узнаваемости места, предчувствие чуда, чего-то необычного, перемен. Мне это близко. Потом - «Преданья старины глубокой», я, конечно, понимаю, что название приходит потом, но тут удивительное какое-то попадание

, точность изображения и названия. И сути. Сказка, чудеса, опять же. Я также чувствую, также вижу, но я не могу так светло писать, словно светом он пишет свои картины, они завораживают, умиротворяют, приносят покой душе и тихую радость. В галерее Art Lib представлено 17 его работ и уже 40 000 просмотров, 50 отзывов, несколько статей о его живописи.

Александр Копейко - истинный живописец, отличный цветовик, чувствуется хорошая

школа. Все его картины - произведения искусства. В них живет душа автора. А душа его мятежная и не всегда знает покой. Ну это так и бывает у харизматичных живописцев. Александр - человек глубокий, думающий, цельный. И - верующий. Его хорошо знают в Донском монастыре, в церкви святого Серафима Саровского, в храме Благовещения Пресвятой Богородицы, что в Петровском парке, в церкви Тихвинской Божией Матери на Новослободской.

Если в душе у него гармония, он передаёт ее свет другим, не скупится:

«Радость моя, Христос Воскресе! Отлично, Танечка! Спаси вас всех Христос!»

Татьяна Горохова, Москва

ВСЁ ИЗ-ЗА ДОЖДЯ...

Ливанул дождь, и это не стало сюрпризом. Накануне синоптики обещали под Звенигородом осадки, и с утра небо все больше хмурилось, и ветерок все больше крепчал... Но у Николая Колчина клевал ротан. А ротан-головешка был для Николая, которого друзья частенько называли просто Кыля, особенным фетишем, если это значение уместно применять к рыбе.

Даже зимой, вместо того, чтобы блеснить окуня и судака, либо ставить жерлицы на щуку, он предпочитал поохотиться за ротанчиком, который мог клюнуть не только на мотыля, но и на кусочек сала, посаженного на примитивную мормышку. Ну, нравилась эта рыбка Николаю Колчину – в том числе и в плане кулинарных качеств! Пожарить, засолить и потом усугубить с пивком...

Летом, конечно же, спиннинг был в приоритете, но вот весной, в мае, когда действовал так называемый «нерестовый двухмесячник», во время которого запрещалась почти всякая рыбалка, за исключением ловли на одну поплавочную удочку, Кыля оставлял в покое спиннинг и шел ловить ротана на мормышку с боковым кивком. В принципе, это тоже было запрещено, но вот кто бы доходчиво объяснил всем рыбакам – почему

запрещено-то? Чего криминального в удочке с боковым кивком и мормышкой? Да ничего криминального в этом и не было.

Поэтому Кыля с абсолютно спокойной совестью в погожий майский денек дошел от дома до платформы Тестовская, сел на электричку, доехал до платформы Скоротово, и там – пешком по рельсам, затем повернул к военному городку, где раньше было еще и стрельбище, на котором уже сто лет не стреляли, зато вокруг этого стрельбища остались небольшие прудики, в которых в свое время завелся ротан.

Некие простофили-ихтиологи обозвали эту рыбу, занесенную в Подмосковье из Дальнего Востока, вредителем. Мол, пожирает других рыб, особенно карасей, мол, бедствие... Бедствие, это, когда подводные охотники

в пресные водоемы ныряют, а еще когда электроудочки втихоря рыбу у себя под домом током уничтожают. Не просто же так даже известный киноактер Ильин, когда ему наш президент вручал государственную награду, попросил Владимира Владимировича запретить это гадство законом. Но тогда, Вова, типа не совсем понял, о чем речь, но типа прислушался. Может, наведет всё-таки правительство порядок на водоемах? А вообще была бы польза, если бы те самые электроудочки тех самых подвохов и перебили бы на корню, да и сами бы от своего тока подохли...

До рыбки-ротана подводные пираты-охотники, слава тебе господи, не опускались. И электрикам – сволочугам – все больше карася да карпа подавай...

Клевал у Кыли ротанчик на предлагаемую приманку – мормышку с насаженным на крючок червячком-подлистником. Хорошо клевал! И тут все-таки зарядил дождичек. Да и не просто дождичек, а самый настоящий ливень. Но Кыля знал место неподалеку от прудика, где можно было укрыться – недостроенный дом, зато с крышей. Рыбачок нырнул под эту крышу, чтобы дождь переждать. Успокоился, вдохнул свежего воздуха... хорошо. А еще лучше, если принять на грудь стопочку размером не больше пятидесяти миллиграммов. Вот и принял Кыля свои пятьдесят, благо у него всегда с собой было во фляжечке.

Конечно же, он помнил, что в этих самых местах его всегда встретят друзья, которые и обогреют, и накормят-напоят, да и вообще все двадцать четыре удовольствия – в плане: бильярд, картишки, нарды, домино, банька с березовым веничком... да и само общение с людьми, которых знаешь с детства, дорогого стоило. Но до деревни, где обитали друзья, надо было еще дойти, а тут ливень, да еще из с грозой. Гром гремит, земля трясется...

А в пакете, в который Кыля складывал свой улов, тряслась рыба. Ротан был вообще-то очень живучим, случалось, что, пролежав

сутки в холодильнике, он все равно трепыхался, когда Кыля брался за нож, чтобы пожарить рыбку себе на обед. Довольно-таки неплохой в плане еды была рыба, несмотря на свой устрашающий внешний вид. Мясо – белейшее, вкуснейшее...

Кыле не нравилось убивать рыбу. Понятно, что она сама виновата, когда бросалась на блесну или мормышку с целью пожрать – то есть, закусить братом своим меньшим, такой же рыбкой... Ну, вот и, как говорится, за что боролась, на то и напоролась. Получай нож в борохо...

Все было именно так. Но Кыля все же с рыбой старался обходиться щадяще – пусть сама умрет, а потом уж он ее станет разделявать. Или это наоборот – жестоко? Иногда он по этому поводу даже философствовал, иногда и разговаривал с пойманной рыбой. Но вообще-то он и с деревьями разговаривал – мысленно. Мог обнять березку, прижаться, согреть, получая и от нее тоже некое тепло. Любил Кыля матушку Природу...

Над самой головой громыхнул гром, да так, что даже в ушах зазвенело. Руки рыболова сами собой нашарили фляжечку. Добавил Кыля еще пятьдесят капель. По идее такой сильный дождь должен был вскорости закончиться, и Кыля уже знал, что сделает, – как только распогодится, напрямик направится в ближайшую деревню, где на окраине обитал друг Гурий, и зависнет с ним у него дома до ночи, даже до утра, повивая водку с пивом и поедая пожаренных на сковородочке ротанов...

Сначала сверкает молния, потом гремит гром, но в очередной раз это произошло почти одновременно. Кыля отдавал себе отчет, что очень вовремя скрылся под крышей дома, но все-таки немного испугался, даже на миг зажмурился – мало ли, какие на самом деле свойства у этих молний!

Вновь громыхнуло и сверкнуло, и Кыля вдруг понял, что находится под водой.

Ему было хорошо. Тепло, влажно, спокойно. Даже проплывшая над головой лягушка оставила его равнодушным. Хотя эти твари обычно раздражали своим кваканьем. Сейчас – нет. Вообще-то, когда шел дождь, он чувствовал себя не очень комфортно. Лишний шум не любил, а тут долбят по поверхности воды эти капли, ну и зачем ему это слушать, чувствовать?!

Внезапно он увидел лакомство. Опустилось сверху под воду и зависло у самого дна. Потом начало потихоньку подниматься. Лакомство представляло собой извивающегося червячка и вместе с ним кусочек чего-то белого. Удержаться было немислимо. При очередном качке он рванулся вперед и заглотил лакомство. Мгновенное блаженство от осознания вкуса, а затем боль в пробитой губе, рывок вверх, утягивание из воды в другую, чуждую среду обитания.

Он воспротивился. Чего это?! Мне комфортно в воде, а не на воздухе! Метнулся под

растущий в воде кустик, завилал в веточках. Но губу пробитую острым, тянуло и тянуло вверх. И тогда он подумал, мол, а чего это меня поймали на крючок, может все наоборот, это я здесь командир и это я специально заkontakтировал с любителем половить рыбки, и сейчас не я у него на крючке, а он у меня на удочке! И – все, никуда ему, родимому, от меня не деться...

И вновь громыхнуло над самой головой. Николай Колчин встрепенулся, а в пакете, валявшемся на земле, встрепенулась рыба. Он отложил удочку в сторону, поднял пакет и, невзирая на дождь, вышел из-под крыши недостроенного домика. Дождь поливал со страшной силой, но Кыле было все равно. Он подошел к пруду и оно за другим аккуратно отпустил всех ротанчиков в родную стихию. Но перед этим еще каждого и целовал. Зачем? Да и бог его знает...

Евгений Константинов, Москва

GASTRONOM

· RUSSIAN SHOP ·

Мы предлагаем отличную выпечку: пироги и пирожки, расстегаи, кулебяки, блины, вкуснейший хлеб в широком ассортименте, большой выбор полуфабрикатов и готовых блюд.

19/270 Oteha Valley Rd,
Albany, Auckland 0632
027 678 9550

Info@gastronomy.nz
gastronomy.nz

АФИША «НАША ГАВАНЬ»

Уважаемые дамы и господа!

Предлагаем вам информацию о ближайших событиях культурной жизни русскоговорящего общества, которые пройдут в **Веллингтоне, Окленде, Крайстчерче**. Вы узнаете о спектаклях, концертах, гастролях российских и зарубежных артистов, выставках, спортивных соревнованиях. Надеемся, что наша информация поможет вам хорошо провести свое свободное время и не пропустить ни одного интересного события.

ВЕЛЛИНГТОН

ДО 11 АВГУСТА

В городе пройдет **Международный кинофестиваль**. Фильмы можно будет посмотреть в кинотеатрах: The Embassy, Roxy Cinema and Light House Cinema Cuba. Программу Фестиваля можно посмотреть на сайте фестиваля.

Дополнительная информация: www.wellingtonnz.com/visit/events/new-zealand-international-film-festival

ДО 24 СЕНТЯБРЯ

Серия из восьми воскресных концертов классической симфонической музыки стартует 14 апреля и продлится до 24 сентября. В концертах, которые состоятся в St Andrews on The Terrace, примут участие известные музыканты и исполнители. В том числе, Наталья Ломейко. Адрес: St Andrews on 33 The Terrace, Wellington.

Дополнительная информация: www.sundayconcerts.org.nz

26 СЕНТЯБРЯ - 13 ОКТЯБРЯ

Театральное арт-шоу WOW Show (World of Wearableart) пройдет в TSB Arena.

Адрес: 4 Queens Wharf, Wellington Central

Дополнительная информация: <https://www.worldofwearableart.com>

30 СЕНТЯБРЯ

Встреча с известным британским **актером David Walliams** и его премьерной программой **«Аудиенция с Дэвидом Уиллямсом»** пройдет в St.James Theatre.

Адрес: 87/77 Courtenay Place, Te Aro, Wellington

Дополнительная информация: www.eventfinda.co.nz/2024/an-audience-with-david-walliams/wellington

24 - 27 ОКТЯБРЯ

Королевский балет Новой Зеландии покажет в St.James Theatre балет «Сон в летнюю ночь».

Адрес: 87/77 Courtenay Place, Te Aro, Wellington

Дополнительная информация: www.wellingtonnz.com/visit/events/royal-new-zealand-ballet-2024-season

ОКЛЕНД

7 - 17 АВГУСТА

В городе пройдет **Международный кинофестиваль**. Фильмы можно будет посмотреть в кинотеатрах: The Civic, Hollywood Avondale and ASB Auckland Waterfront Theatre. Программу Фестиваля можно посмотреть на сайте фестиваля.

Дополнительная информация: www.nziff.co.nz/2024/nziff-2024/news/first-films-of-nziff-2024-and-new-strands/

22 АВГУСТА

В Town Hall выступит всемирно известный **скрипач Максим Венгеров**. В его исполнении прозвучат произведения Сибелиуса.

Адрес: Aotea Square, CBD, Auckland

Дополнительная информация: www.apo.co.nz/concerts-events/vengerov-sibelius/thursday-22-august/

28 СЕНТЯБРЯ

Встреча с известным британским **актером David Walliams** и его премьерной программой «Аудиенция с Дэвидом Уиллямсом» пройдет в Kiri Te Kanawa Theatre.

Адрес: Aotea Square, CBD, Auckland

Дополнительная информация: www.eventfinda.co.nz/2024/an-audience-with-david-walliams/auckland

19 И 20 ОКТЯБРЯ

Театральная студия ЭКТЭС (рук. Н.Герасимова-Брукс) покажет на сцене The Rose Centre спектакль для детей «Волк и козлята».

Адрес: 4 School Rd., Belmont, Auckland

Подробности и заказ билетов у Ани Блэк: [021 02325635](tel:02102325635) или anya_black@yahoo.co.nz

25, 26 И 27 ОКТЯБРЯ

Новая постановка театральной студии «Наш Дом» - музыкальный спектакль «Легкое поведение».

Спектакль будет показан на сцене The Rose Centre.

Адрес: 4 School Rd., Belmont, Auckland

Подробности и заказ билетов: newsletter@nashdom.co.nz

КРАЙСТЧЕРЧ

10 АВГУСТА

В Town Hall вместе с симфоническим оркестром города выступит **Ché-Fu**, считающийся пионером хип-хопа и музыки Пасифика в Аотеароа.

Адрес: 86 Kilmore St, Christchurch

Дополнительная информация: www.eventfinda.co.nz/2024/cso-presents-che-fu/christchurch

15 АВГУСТА - 1 СЕНТЯБРЯ

В городе пройдет **Международный кинофестиваль**. Фильмы можно будет посмотреть в кинотеатре Lumière Cinemas in Ōtautahi. Программу Фестиваля можно посмотреть на сайте фестиваля.

Дополнительная информация: www.nziff.co.nz/2024/nziff-2024/news/first-films-of-nziff-2024-and-new-strands/

20 СЕНТЯБРЯ И 19 ОКТЯБРЯ

Концерты классической музыки представит в Центре искусств, The Piano, симфонический оркестр города.

Адрес: 156 Armagh Street, Christchurch

Дополнительная информация: www.eventfinda.co.nz/2024/lamb-akn/christchurch

2 ОКТЯБРЯ

Встреча с известным британским **актером David Walliams** и его премьерной программой «Аудиенция с Дэвидом Уиллямсом» пройдет в Douglas Lilburn Auditorium, Town Hall.

Адрес: 86 Kilmore St, Christchurch

Дополнительная информация: www.eventfinda.co.nz/2024/an-audience-with-david-walliams/christchurch

Знаете о новых событиях в вашем городе? Хотите поделиться?

напишите нам о них на e-mail: rusnewsnz@gmail.com или rshkrab@gmail.com с пометкой - "Infoguide".
О событиях узнает все русскоязычное население Новой Зеландии.
Посмотреть Афишу или добавить информацию о новых событиях
вы можете на нашем веб-сайте: www.RusNewsNZ.com

ВНИМАНИЮ РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ

**Именно так может выглядеть ваша реклама -
мы показали разные варианты, разместив примеры в этом номере.**

Разместите вашу рекламу в информационном проекте «Наша Гавань»
И ее увидят читатели печатного варианта газеты «Наша Гавань» и на нашем сайте
www.rusnewsnz.com наши подписчики получают ее по рассылке «Афиша–Наша
Гавань», найдут ее в соцсетях. Расскажите о своем бизнесе нашим подписчикам.
Напомните о себе старым клиентам и приобретите новых!
Размещение рекламы: rusnewsnz@gmail.com

Уважаемые подписчики! Обратите внимание

на наш, постоянно обновляемый, веб-сайт: rusnewsnz.com

Там вы найдете не только интересные материалы, Афишу культурных событий,
но и в разделе НГ NZ TV www.rusnewsnz.com/tv вы можете посмотреть новые фильмы
о Новой Зеландии; видеорепортажи, интервью от известных и новых новозеландских блогеров;
новые музыкальные клипы. В разделе НГ Радио www.rusnewsnz.com/radio/
вы можете послушать наши аудио-интервью, а также радиопередачи и подкасты
наших партнеров из Австралии и других стран.

*Более 20 лет
на туристском рынке*

**Путешествия с русскоговорящими гидами
по Новой Зеландии и Австралии**

**Сопровождение туристов
из Новой Зеландии и Австралии
в путешествиях по России и странам СНГ**

Услуги	Фирма/имя	Адрес, Телефон, Доп. Информация
Бесплатные услуги по страхованию (medical, life, business, car, house and contents), income and mortgage protection. Страховой агент - стаж 12 лет. Работаю со всеми страховыми компаниями в Новой Зеландии	Светлана Янг - Registered Financial Adviser Safe-n-Sure (NZ) Ltd	Данидин: 14 Renfrew St., Balaclava; Окленд: 59 Apollo Dr., Albany PH: 0272899449; E: svetlana@safensure.net.nz W: www.safensure.net.nz
Заверенные переводы для официальных служб Новой Зеландии	Ольга Робертсон Auckland Translation Services	4 D Haast St, Remuera (09) 522 9417 ; 021 520 112 www.russian.co.nz ; translation@xtra.co.nz
Качественный уход за пожилыми в частной больнице-пансионате Waimarie, лицензированном медицинском учреждении. Работают русскоговорящие сотрудники. Доступно русское телевидение. Питание в соответствии с пожеланиями	Waimarie Private Hospital	Окленд: 9 Waiatarua Road, Remuera, PH: Bob: 021 180 6617 PH: Shireen: 020 404 311 61 PH: Mario: 021 049 0233 E: manager@waimariehospital.nz E: mario@waimariehospital.nz ; W: www.eldernet.co.nz
Заверенные переводы любых документов, включая водительские права стран СНГ	Лариса Живых Eng-Rus Translation & Interpreting	PH: (09) 827 0570; 021 890 345 E: larissa.jivikh@gmail.com com: S: skype: jlarissa21
Большой выбор общеобразовательных и творческих классов для детей и взрослых. Предлагаются групповые и индивидуальные занятия	Культурно-образовательный центр «Наш дом»	Окленд: 33 Rawene Rd, Birkenhead PH: 021 53 93 53 E: newsletter@nashdom.co.nz W: www.nashdom.co.nz
Русскоговорящий терапевт (GP)	Доктор Бушра Кадим (Bushra Kadhim)	Окленд: 11-13 Cortina Place, Pakuranga PH: 0800 439 8363 E: kiaora@tend.nz Скачайте Приложение для записи на прием www.tend.nz
Уроки английского и русского для иностранцев (в Веллингтоне или по скайпу). Заверенные переводы документов. Профессиональный переводчик	Ольга Суворова, Russian Keys Ltd.	PH: 027 458 4546 E: suvorova2005@mail.ru E: info@russiankeys.com
Индивидуальные и групповые программы по снижению веса, омоложению и укреплению здоровья на основе вашей персональной системы питания. Без дорогих анализов и препаратов По методикам ведущих мировых клиник.	Светлана Стрельникова - врач, эксперт по диетологии автор методики «Сытая стройность»	36 Darroch St., Belfast, Christchurch WhatsApp: +642108418484 бесплатная консультация calendly.com/svetlanastrelnikova/mc.t.me/+gevl3PT44yl4MTMy facebook.com/groups/svetlanastrelnikova
Ускоренное обучение английскому, китайскому и японскому языкам по скайпу. Слушайте также программу «Занимательный английский» на Инфолайн «Наша Гавань»	Светлана Шевенко - профессиональный лингвист	PH: (09) 577 5482 E: lanaauckland@xtra.co.nz
Заверенные переводы: русский, английский, быстро и качественно	Елена Наумова	PH: (09) 521 5589; 021 112 1222 E: lenanton@gmail.com
Уроки математики	Виктория Мананова	Окленд: 26/34 Esplanade Rd, Mt. Eden PH: 021 027 56772 E: vmananova8@gmail.com

УВАЖАЕМЫЕ РЕКЛАМОДАТЕЛИ

Обращаем ваше внимание на новый формат «Нашей Гавани».

Он расширяет наши возможности публикации материалов большего объема и позволит привлечь новых рекламодателей и читателей.

Новый формат газеты, уверены, будет более эффективным способом размещения вашей рекламы.

В этом номере мы разместили, в качестве примера, варианты рекламы в том виде, как она может выглядеть в нашем обновленном интернет-издании.

По вопросам размещения рекламы пишите: E: rusnewsnz@gmail.com, rshkrab@gmail.com

КОНКУРСЫ,
ВЫСТАВКИ
ФЕСТИВАЛИ

КОНКУРСЫ, ВЫСТАВКИ, ФЕСТИВАЛИ

Это еще одна наша страница в Фэйсбуке,
где выставляются работы наших мастеров в разных жанрах -
от фотографий и картин до скульптур
и других работ прикладного творчества.

Проводятся виртуальные персональные выставки.

Адрес странички:

www.facebook.com/groups/617809839452303

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ «НАША ГАВАНЬ»:

Газета «Наша Гавань»: НГ Радио, НГ ТВ, Афиша;
Бизнес справочник - www.rusnewsnz.com; Telegram;
FB - [Наша Гавань/Our Harbour](https://www.facebook.com/OurHarbour); Instagram; Youtube .

Рекламное агентство: Информационные, печатные
и рекламные издания, изготовление websites

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ:

E: rusnewsnz@gmail.com, rshkrab@gmail.com

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, опубликованный в газете «Наша Гавань» № 124

По горизонтали: 3. Сабрата. 9. Ингури. 10. Тритий. 11. Ключица. 12. Эскудо. 13. Монстр. 14. Калитка. 15. Карибу. 18. Наскок. 22. Аврал. 25. Ипсилон. 26. Антиква. 27. Торий. 28. Калгари. 29. Кобурги. 30. Кукша. 33. Руайан. 37. Энтада. 40. Агасфер. 41. Сатрап. 42. Утопия. 43. Аттитюд. 44. Корбут. 45. Инцест. 46. Ахеронт.

По вертикали: 1. Инесса. 2. Сухуми. 3. Сикоку. 4. Брюллов. 5. Авиетка. 6. Атаман. 7. Бизнес. 8. Бистро. 15. Клинкер. 16. «Русалка». 17. Баллада. 19. Автобан. 20. Кокарда. 21. Крабица. 22. Антик. 23. Рюрик. 24. Лайка. 31. Участие. 32. Шефство. 34. Ушаков. 35. Йоруба. 36. Напата. 37. Эрудит. 38. Троицк. 39. Джинсы.

Редакционная коллегия: Александр Здор, Римма Шкрабина,
Нина Слепухина, Виктория Мананова, Елена Наумова.
Дизайнер: Александр Ефимов. **Администратор сайта:** Дмитрий Ульянов.
Фотографии: Надежда Муравлева. **Распространение:** Лев Ронжин.
Учредители: Alexanderz Ltd и All Together Multi-Culture Society Club NZ Inc.

Наши контакты: тел. (09) 577 46 00, e-mail: rusnewsnz@gmail.com;
rshkrab@gmail.com; www.rusnewsnz.com

По вопросам рекламы обращаться: rusnewsnz@gmail.com
Мы в Facebook (<https://www.facebook.com/groups/170012719719627/>)
и [Instagram](https://www.instagram.com/nginfonz) (@nginfonz)

© Все права издания защищены.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Рассылка электронной версии «е-Наша Гавань» составляет более 4000 адресов. ISSN 2324-3554 (Online).

